ПИОНЕР

№ 23 1929 г.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

СУД НАД „ПИОНЕРОМ“

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Прочла обвинительный акт в „Пионерской Правде“ и очень обиделась, почему газета с такой злой критикой набрасывается на журнал.

Я немедленно собрала комплект „Пионера“ за год, многое еще раз прочла и убедилась, что наш детский журнал „Пионер“ не так уже плох. Я немедленно написала в „П. П.“ большую статью.

Прилагаю эту статью, чтобы вы ее прочли и обсудили, а потом прислали мне ответ и написали—права я или нет? Эту же статью я посылаю в „П. П.“. До свидания, товарищи! Желаю вам успеха, исправить ошибки и недостатки и в новом текущем году стать лучшим детским журналом СССР.

ШУРА ФИНГЕРИТ

Ученица 28-ой школы 1 ступени, 4-й гр. Пионерка 118-го отряда Кр.-Пр. р-на.

ПРОШУ СЛОВА

Я второй год читаю журнал «Пионер» и внимательно слежу за этим журналом. Должна, однако, сознаться, что очень люблю его.

Прочитав в «Пионерправде» обвинительный акт, я прошу слова и хочу высказаться, какие, по моему мнению, замечены достижения и недостатки в журнале. Все-таки мне кажется, что «П. П.» многое преувеличивает и старается приписать «Пионеру» побольше грехов. Разберемся на деле, что хорошего и плохого в нем.

«Пионер», это признают все ребята, очень интересно и занимательно преподносит читателю материал и описывает наше строительство, жизнь и борьбу великих людей и революционеров. Разве плохо, если благодаря журналу ребята узнают о Бланки, Вере Засулич, Бетховене, Ломоносове, героическое прошлое которых так интересно и понятно рассказывает журнал? Ведь, подрастающие школьники, а тем более пионеры должны быть политически развиты. На уроках пения, ведь, нас, школьников, спрашивают, кто был Бетховен, Шуберт, вещи которых мы поем. Например—нам говорили о Шуберте в день столетия со дня его смерти и мы даже разучивали его произведение «Мельник».

Пионер должен бороться с религией. Должен он знать, кто такой был Дарвин или нет? Конечно, он должен знать и учение Дарвина для того, чтобы поделиться с этим с верующим отцом, матерью, бабушкой и всеми теми, которые веруют в бога и всегда вступают с неопытным юным пионером в спор, ругают его и стараются всячески доказать, что бог существует на небе. Вот тут-то и приходит ему на помощь «Пионер» со своими хорошо переданными историческими и научными рассказами, отделом «Звездочет» и др.

Очерки, рассказы и повести детских писателей: Григорьева, Кожевникова, Хазина, Кассиля и мн. др., рисующие жизнь детей до революции и теперь, нами охотно читаются. «П. П.» критикует внимательные описания и разъяснения «Пионера» о пятилетке. Помоему, желание журнала таково, чтобы каждый, прочитавший этот очерк, понял бы хорошо всю суть его и сумел бы бороться за выполнение пятилетнего плана и стать солдатом пятилетки.

Наш вождь т. Ленин сказал: «Лучше меньше, да лучше». Журнал именно верен этому завету Ильича. Если очерк написан живо, производит впечатление и долго остается в памяти, то этим задача журнала хорошо выполнена. Многочисленные скучные статейки с цифрами о пятилетке не всегда всеми читаются, а если и читаются, то очень легко забываются. На меня лично хорошее впечатление произвели очерки: «Пятилетка из окошка» А. Родина (№ 19), «Советская катушка» А. Бермана (№ 18), «СССР будет металлическим», «План великих работ» и «Кухня будущего». Какие только темы ни затрагивает на своих 24 страницах (раз в две недели) «Пионер»? Тут сказано о жизни и борьбе детдомовцев, о путешествиях и изобретениях, о жизни революционеров и их детей заграницей, о перевыборах советов, о книгах, о спорте, о чудесах химии, борьбе с мещанством и т. д.

Разве допустимо, чтобы в Советской стране расходовалась бумага не на тетради, которые так нужны нам, а на альбомы, где старорежимные девочки и мальчики еще и поныне продолжают писать разные глупые стихи, вроде таких:

Приди на тихое свиданье,
Есть много горя у меня,
И успокой мои страданья:
Я умираю без тебя.

Разве альбом не мещанство, которое нужно искоренить? Должен с этим бороться «Пионер»? Да, должен.

Такие начинания, как митинги «Какая нам нужна дружба», «Кем я хочу быть» не хороши разве? Разве «Пионер» не возбуждает в детях желание учиться и интересоваться наукой, чтобы впоследствии стать инженерами, изобретателями и служить делу рабочего класса?

Касаясь повести «Кондуит», «П. П.» неправильно осуждает журнал за то, что он занимает детей описанием жизни старой гимназии. Что же делать, если детям интересно знать также наше прошлое? Ведь, в школах мы изучаем крепостное право? Почему же нам не знать: «Тараканьего уса», «Рыбьего глаза» и других Цап-Царапычей старой школы? Достаточно того, что в том же номере «П. П» 127, где на 4-й странице так критикуют эту повесть, на 5-й странице деткор Голубев из Балашова, с которым я вполне согласна, так отзывается на эту повесть:

> *„Повесть Л. Кассиля „Кондуит“ рисует быт учащихся дореволюционной школы. Неподчинение школьной администрации, давание различных кличек как учащимся. так и учителям. Полный беспорядок, царивший в старой школе, просто и увлекательно передается Л. Кассилем, молодым писателем. Чтобы узнать о быте старой школы—нужно прочесть „Кондуит“ и будет понятно, кто и кого готовит в этой школе.*
>
> *Как повесть, представляющую особую ценность, „Кондуит“ необходимо напечатать в детской „Роман-Газете“.*

Что это означает? Это означает то, что ребятам очень понравилась повесть «Кондуит», и они советуют «Роман-Газете» напечатать ее, что в свою очередь доказывает, что «Пионер» печатает интересные вещи.

Эти положительные стороны говорят о том, что читатель доволен журналом, но у «Пионера», как у всех других журналов, есть также и недостатки, которые в новом году журнал должен во что бы то ни стало исправить.

1. Журнал «Пионер» должен постараться выходить чаще, по крайней мере раз в неделю, дабы иметь возможность уделять больше внимания каждой теме.

2. Вторым недостатком журнала является то, что при 24 страницах нельзя так много печатать о похождениях Кузьки. Ребят, конечно, Кузька заинтересовывает. Мною лично получена открытка из далекой провинции от пионерки Анохиной, которая просит зайти в редакцию журнала и удостовериться, существует ли на самом деле этот знаменитый Кузька. Но из этого, однако, не следует, что надо так много места посвящать этому неизвестному герою. Конечно, нужно увлекать читателей героями, но лучше было бы их брать из жизни, а не выдумывать. Если более внимательно присмотреться к жизни школ и пионеротрядов, то можно сколько угодно найти героев, собирающих железный лом, бумагу, мешки и пыхтящих под тяжестью своих героических подвигов.

3. Некоторые обложки действительно заслуживают критики. Нужно больше внимания уделять художественной обложке.

Заканчивая свое слово, я обращаюсь через газету «П. П.» ко всем пионерам и школьникам высказаться по поводу плохих и хороших сторон журнала. Все недостатки этого журнала должны быть устранены, и «Пионер» тогда станет лучшим детским журналом.

С пионерским приветом
ученица 28-й трудшколы Кр.-Пресн. р-на
Шура Фингерит

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ДЕКАБРЬ
№ 23

ПИОНЕР

двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

ЛЕНИН О КОМСОМОЛЕ

Редакция „Пионера“ считает, что ребята должны читать то, что писал Владимир Ильич Ленин. На пионерах-ленинцах лежит обязанность знать о том, что завещал вождь, имя которого они носят. Здесь помещаем отрывок из речи Ильича на 3-м съезде комсомола в 1920 году.

Быть членами Союза молодежи—значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста. Только в том случае, если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов, они становятся коммунистами.

Для примера, возьмите работу на подгородных огородах. Это одна из задач Союза коммунистической молодежи. Народ голодает, на фабриках и заводах голод. Для того, чтобы спастись от голода, надо развить огороды, но земледелие ведется постарому.

И вот нужно, чтобы более сознательные элементы взялись за дело, и вы тогда увидите, что огороды увеличатся, площадь их расширится, результаты улучшатся. В этом деле Союз коммунистической молодежи должен принимать активное участие. Каждый союз или каждая ячейка союза должны считать это дело своим делом.

Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин. Союз должен быть таким, чтобы любой рабочий видел в нем людей, учение которых, возможно, ему непонятно, учению которых он сразу, может быть, и не поверит, но на живой работе которых, на их деятельности он видел бы, что это действительно те люди, которые показывают ему верный путь.

Если Союз коммунистической молодежи во всех областях не сумеет построить так свою работу, это значит, что он сбивается на старый буржуазный путь.

Наше воспитание нужно соединить с борьбой трудящихся против эксплоататоров для того, чтобы помогать первым решать те задачи, которые из учения коммунизма вытекают.

Члены Союза должны каждый свой свободный час употреблять на то, чтобы улучшить огород или на какой-нибудь фабрике или заводе организовать учение молодежи и т. д.

Мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую. И нужно, чтобы Союз коммунистической молодежи свое образование, свое учение и свое воспитание соединил с трудом рабочих и крестьян, чтобы он не запирался в свои школы и не ограничивался лишь чтением коммунистических книг и брошюр.

Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами.

И надо, чтобы все увидели, что всякий, входящий в Союз молодежи, является грамотным, а вместе с тем умеет и трудиться. Когда все увидят, как мы прогнали из старой школы старую муштру, заменив ее сознательной дисциплиной, как всякий молодой человек идет участвовать в субботнике, как они используют каждое подгородное хозяйство, чтобы помогать населению, — народ будет смотреть на труд не так, как на него смотрели прежде.

Задачи Союза коммунистической молодежи в том, чтобы организовать в деревне или в своем квартале помощь в таком деле—беру маленький пример—как обеспечение чистоты или распределение пищи.

Как это делалось в капиталистическом старом обществе?

Каждый работал только для себя, и никто не смотрел, есть ли тут старые или больные, или все хозяйство падает на плечи женщины, которая поэтому находится в состоянии подавленном и порабощенном. **Кто против этого должен бороться? Союзы молодежи, которые должны сказать: мы это переделаем,** мы организуем отряды молодых людей, которые будут помогать обеспечению чистоты или распределению пищи, систематически обходя дома, которые будут действовать организованно на пользу всего общества, правильно распределяя силы и показывая, что труд должен быть организованным трудом.

МОЛОДЕЖЬ ДОЛЖНА ВОСПИТЫВАТЬСЯ В СОЗНАТЕЛЬНОМ И ДИСЦИПЛИНИРОВАННОМ ТРУДЕ

Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрет.

А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество и само будет строить это общество.

И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества.

В старом обществе труд велся отдельной семьей, и никто не соединял его, кроме помещиков и капиталистов, угнетавших массы народа. Мы должны всякий труд, как бы он ни был грязен и труден, построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я—часть великой армии свободного труда и сумею сам построить свою жизнь без помещиков и капиталистов, сумею установить коммунистический порядок.

Надо, чтобы Союз коммунистической молодежи воспитывал всех с молодых лет, с двенадцати лет, в сознательном и дисциплинированном труде.

Вот каким образом мы можем рассчитывать, что те задачи, которые теперь поставлены, будут разрешены.

Нам следует рассчитывать, что нужно не меньше 10 лет для электрификации страны, чтобы наша обнищавшая земля могла быть обслужена по последним достижениям техники.

И вот, поколение, которому теперь 15 лет и которое через 10—20 лет будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда—пускай самую маленькую, пускай самую простую.

По мере того, как это будет происходить в каждой деревне, по мере того, как будет развиваться коммунистическое соревнование, по мере того, как молодежь будет доказывать, что она умеет объединить свой труд,—по мере этого успех коммунистического строительства будет обеспечен.

Только смотря на каждый шаг свой с точки зрения успеха этого строительства, **только спрашивая себя: все ли мы сделали, чтобы быть об'единенными, сознательными трудящимися, — только в этом длительном процессе Союз коммунистической молодежи сделает то, что он полмиллиона своих членов об'единит в одну армию труда и возбудит общее уважение к себе.**

К ЧИТАТЕЛЯМ

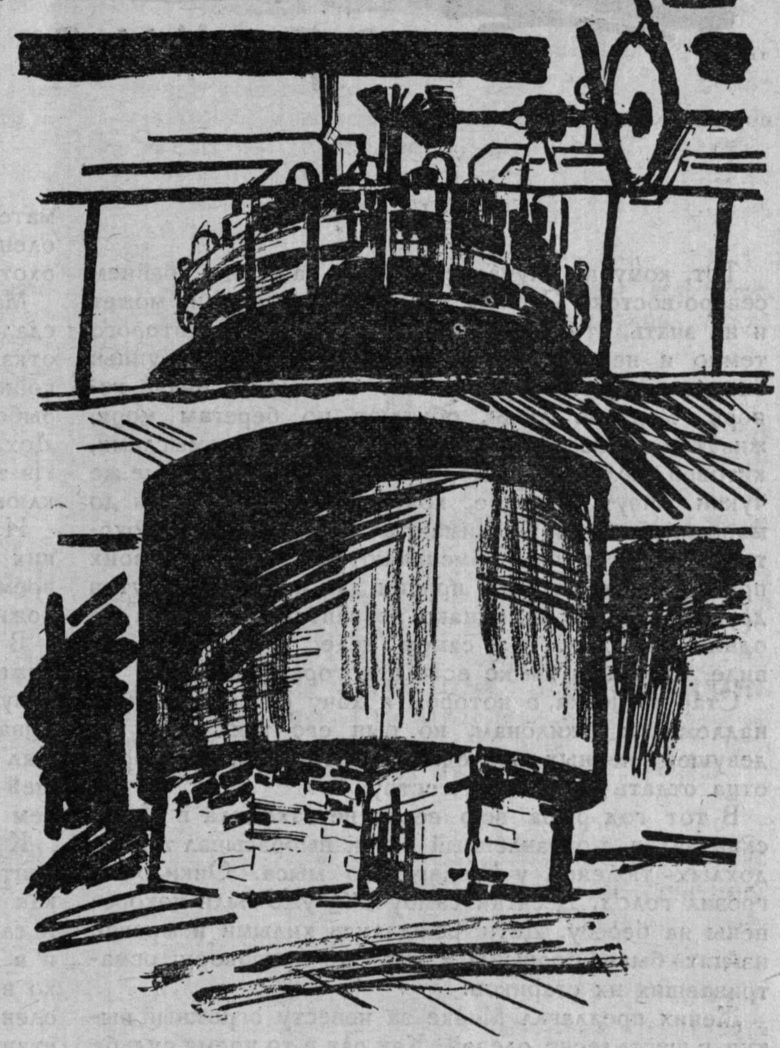
Один из первых номеров „Пионера“ в 1930 году будет посвящен тому, как комсомол выполняет задачи, поставленные перед ним Владимиром Ильичем в речи на III с'езде РКСМ.

Будьте первыми помощниками комсомола в его борьбе на фронте социалистического строительства.

ПЕСНЯ О НИТРАТОРЕ

Стих. А. ТЕРЕНТЬЕВА

Рисунок В. ЧЕРНЕЦОВА

Когда его подняли наверх, кряхтя,
То даже лебедка вспотела,
И масло текло по железным костям
Ее напряженного тела.

Блестя новизной и окраской своей,
Уверенно выпятив стены,
Сгибая опору, уселся на ней
Нитратор новейшей системы.

Одиннадцать дней его черный металл
Со скрипом сверлили буравы;
Одиннадцать дней, зажимая в болтах,
Крепили его, собирали.

И вновь заплясал на нем масляный лоск,
Он поднял серьезно и хмуро
Из трубопроводов, валов и колес
Запутанную шевелюру.

Четыре часа он питался сырьем:
Двухтонною дымною массой.
Сквозь глотку котла, раз'едая ее,
Текло купоросное масло.

Тогда наступил замечательный срок.
Я встал, тороплив и несдержан,
На спину котла и, натужась, налег
На плоский сверкающий стержень.

Скрипят рычаги, и нитраторный вал
По шкиву приводом обмотан.
И вал, завертевшись в движеньи, издал
Густую басовую ноту.

И все, кто тогда на нитратор глядев,
Собрались у лестницы серой,
Слыхали, как бьет, захлебнувшись в труде,
Его неуемное сердце.

Так, грудью ложись на железный рычаг,
Чтоб жизни впустую не тратя,
Работать и биться, гудя и рыча,
Как самый гигантский нитратор!

Морские люди

Рассказ Л. ГУМИЛЕВСКОГО

Рисунки А. МАКСИМОВА

I

Тот, кому не случалось бывать на самом крайнем северо-востоке Сибири, населенном чукчами, может и не знать, что народ этот, происхождение которого темно и неизвестно, разделяется на две группы: онкилонов и оленных чукчей. Онкилоны, иначе говоря морские люди, обитают по берегам моря, живут почти оседло и кормятся рыбными промыслами, китовой, тюленьей и моржевой охотою. Оленные же чукчи живут в тундре, кочуя от опушки тайги до морских берегов, и занимаются оленеводством и охотой. И те и другие обмениваются продуктами своих промыслов и, не имея причин для вражды, живут в дружбе и согласии, однако, не считают себя все же одним народом. И в самом деле, во внешнем их виде, одежде и языке есть некоторая разница.

Старик Менка, о котором я хочу рассказать, принадлежал к онкилонам; но сын его взял жену из девушек оленных чукчей. Мало того, он уговорил отца отдать туда же и сестру.

В тот год рыба всю весну не заходила в Чуанский залив, а отравленный океан выбрасывал только дохлых тюленей у Шелагского мыса. Онкилонам грозил голод. Десятки самоубийц уже были похоронены на берегу. Дети рождались хилыми и многие из них были брошены в море по приговору осматривавших их стариков.

Жених предлагал Менке за невесту огромный выкуп в шестьдесят оленей. Как раз в то время судьба покровительствовала оленным чукчам. Олени шли огромными стадами. Охотники били их на воде, когда переправлялись стада через реки, в таком количестве, что десятки туш с подвязанными к ногам тяжестями опускались в ледяную воду, как в погреб, на долгий срок. Собственные же их ручные олени, даже не будучи манычами, то есть специально тому обученными, приводили за собою с пастбищ не мало одиночек, отставших от стад или потерявших вожаков.

Менке ничего не оставалось, как отдать оленным свою дочь. Калым спасал от голодной смерти не только его семью, но и многих онкилонов, павших духом от неудач на море. Однако, он потребовал, чтобы калым был увеличен до ста оленей.

— Скажи, что я не уступлю ничего из этого числа, Мамот,—заявил он сыну и, опустив голову, прибавил:— ты знаешь, что я забочусь не о себе только! Леута, твоя сестра, очень красива и умеет не хуже твоей матери приготовить китовый жир... Она стоит ста оленей, которые так дешевы нынешнею весною у охотников!

Мамот был согласен с отцом, но жених не сразу сдался. Он предлагал семьдесят и восемьдесят, но отказывался дать сто. До самой осени Менка спокойно настаивал на своем. Как ни было бедно море рыбой, кое-что все же вылавливали ременные сети. Дохлые тюлени шли в пищу, так же, как убитые. Из тундры приносили женщины морошку, бруснику, клюкву, дикий лук, коренья.

И Менка твердо стоял на своем. Осенью же жених пришел заявить о своем согласии и пришел вовремя: неделею позднее Менка сам, вероятно, предложил бы ему возобновить сватовство.

В борьбе с голодом онкилоны чаунского побережья потеряли не только красивейшую из своих девушек. Они расстались и с Мамотом, не раз показывавшим на море отвагу и ловкость. Сын Менки был навеки пленен счастливою охотой, приносившей за два часа ловкому охотнику больше добычи, чем обитателю морских берегов несла вся весна.

К тому же в семьях чукчей жена старшего брата считается женою каждого из его братьев, так же, как каждая из сестер жены является женою ее мужа и самое понятие „отец" и „мать" у них одинаково и в равной степени относится ко всем братьям отца, ко всем сестрам матери. Выдав сестру за парня из оленных чукчей и взяв оттуда же жену, Мамот был втянут в такую близость к ним, что уже на следующую весну после замужества сестры был совсем похож на своих новых сородичей.

В тот год море изобиловало рыбою. Устья рек были забиты ею. Собаки без всякого труда хватали зубами за плавники шедшую по верху сплошной массою рыбу и лакомились ею на берегу целыми днями. Однако, Мамот предпочел сторожить у речек стада оленей вместе с оленеводами, а не бросать сети на море. Он дрожал от нетерпения, когда, стоя с подветренной стороны вместе с другими охотниками, видел, как из лесу показывался вожатый стада, как он, осторожно осматриваясь, бросался в воду, увлекая за собою все огромное стадо. Надо было иметь огромное терпение, чтобы выждать, когда олени доплывут до половины реки. Малейшая неосторожность могла бы спугнуть вожака; он вернулся бы на берег, и стадо исчезло бы в несколько минут в лесу. Мамот дрожащими руками сжимал копье, подчиняясь опытным людям.

В нужный момент охотники бросались к своим кожаным бударкам и вмиг врезывались в лес ветвистых оленьих рогов, покачивавшихся над поверхностью реки. Задачею каждого было нанести копьем как можно более ударов во все стороны. Одного удара было достаточно, чтобы олень пал здесь же на воде или, доплыв до конца, там на берегу. Но нужно было сохранять полнейшее спокойствие, чтобы, ловко лавируя между испуганными животными, не подвергать себя опасности быть опрокинутым.

Мамот видел охотников, которые чувствовали себя на воде, как на суше. Они рассчитывали свои удары так, что оставляли раненому ровно столько сил, сколько нужно ему было доплыть до берега. Это избавляло их от обязанности возиться с убитым на реке и тащить его на берег.

— Вот человек, которым хотел бы быть я!—восклицал он не раз, глядя на такого охотника и с новым терпением учился ловкости и сноровке своих товарищей.

Впрочем, он был способным и сильным парнем. Не так уже много времени понадобилось его сородичам для того же, чтобы сделать из него охотника. На третью весну Мамот ушел с морского берега, даже не обратив внимания на ход рыбы. На зиму он не вернулся жить в землянку своего отца и явился затем только, чтобы предложить отцу переселиться в собственную его юрту.

Менка отказался.

— Нет,—сказал он,—я подохну там, как рыба, выкинутая из воды. Что делать морскому человеку на суше?

Мамот стал уверять отца, что ни в образе жизни, ни в пище, ни в обычаях, ни в нравах нет большой разницы между обоими родами одного и того же народа.

Менка слушал сына внимательно, но когда он окончил, старик повторил свое сравнение, дальше которого не шла его мысль.

— Спроси рыбу, почему она дохнет на берегу,—сказал он,—ведь, на земле отлично уживаются люди и звери?

Мамот был раздражен упрямством отца, но он не мог не чувствовать его правоты. Он переменил тон и привел отцу другие доводы.

— Хорошо,—заявил он, как будто бы согласившись с ним в первом,—но ты стар, силы твои тебя оставляют, и никто не скажет с уверенностью, что на следующую весну ты сможешь опустить сеть под лед... Зачем же тебе оставаться здесь, теряя последние силы, когда ты можешь спокойно жить в моей юрте?

Менка усмехнулся.

— Ах, ты думаешь, что придет день, когда у меня не хватит сил прокормить себя и жену?—воскликнул он и покачал головою,—нет, Мамот, этого не случится! Задолго до того я позову тебя, сын мой, на похороны...

Мамот встал и глубоко поклонился отцу.

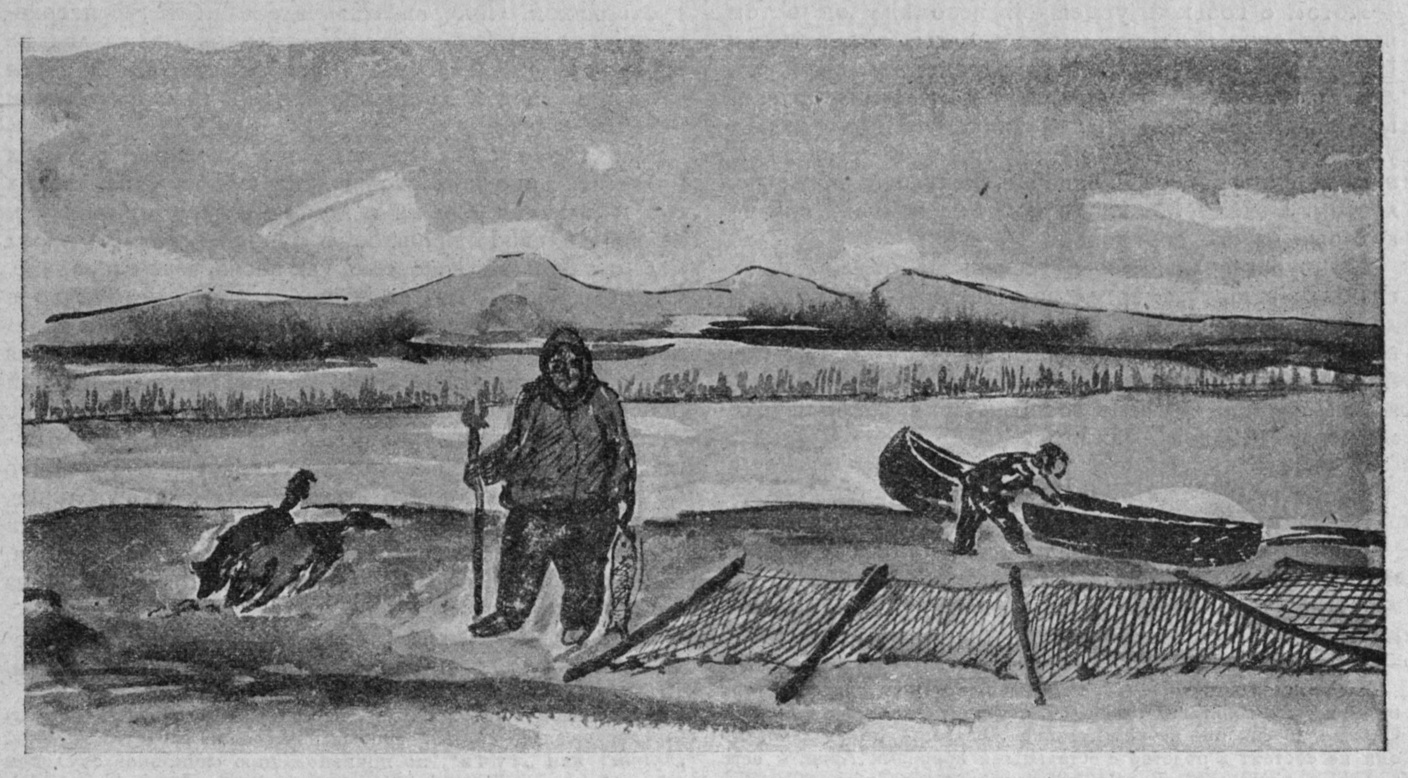
— Твоя воля, отец,—сказал он,—пусть будет все, как хочешь ты, но помни, что юрта моя всегда готова принять тебя и мать!

— Я не забуду об этом!—гордо отвечал Менка.

Мамот оставил в дар от дочери и от себя четверку оленей, чтобы отец мог имет запряжку, как самый богатый и важный онкилон, и уехал. Он не собирался скоро навестить родной поселок и долго сдерживал бег нарты, чтобы иметь возможность оглянуться назад.

Менка поставил свои знаки на подаренных сыном животных и отпустил их пастись вместе с другими под надежной охраной собак.

Просторная, по чукочьим понятиям, юрта его вдруг стала ему темна и неприятна. В ней находилась еще вторая, меньшая палатка, представлявшая собой важнейшую часть жилья. Менка прошел туда и всю долгую зиму не выходил оттуда.

Онкиловы—„морские люди“—кормятся рыбным промыслом.

Он сидел в своей юрте у глиняного очага и, глядя на угли, по которым пробегали серые тени пепла, читал в них всю свою жизнь; то была жизнь однообразная, как расстилающаяся за спиной его юрты тундра, бесцветная, как стелящиеся перед юртой серые волны моря. Она состояла из весен и зим, тюленей, моржей и рыбы, оленины и жира, рождений и похорон. Менка мог бы припомнить число изношенных им звериных одежд, носившихся на плечах неснимаемыми до тех пор, пока они не истлевали, он мог бы вспомнить количество пойманных тюленей и мертвых китов, прибитых к берегу с копьем охотника под левым ластом.

И дважды за долгую зиму, проведенную у очага, вздрогнул старик. Однажды он вспомнил третьего своего, последовавшего за Мамотом, ребенка. Ребенок был хил и слаб; отец собственными руками бросил его в море, по обычаю, освященному веками, как всякого негодного жить.

Струя ветра достигла в этот миг очага. Угли вспыхнули, и тени сбежали с них.

— Может быть,—подумал Менка,—тот не оставил бы моря, как Мамот!

И в другой раз Менка увидел в пламени очага смерть своей матери. Она была беспомощнее новорожденного в юрте его брата. Старость съела ее силы, и она приказала детям убить ее. Менка был любимейшим ее сыном, и на его долю выпал священный долг. Он снял с себя ременный поясок и задушил старуху. Но руки его дрожали, и кто-то из гостей, приехавших на похороны, назвал его дохлым тюленем за неловкость.

Дым очага, только-что получившего из рук Менки новую охапку дров, ел ему глаза. Съежившись от боли и слез, он сам себе показался теперь таким же слабым, ссохшимся и костлявым, как мать.

— У Мамота руки тверды и он убьет хорошо!— подумал старик.

Потом с горькой усмешкой вспомнил он о том, что его руки были не менее тверды, чем сыновьи. Шесть китовых туш выбросил к берегу океан, под ластами которых были найдены копья со знаком Менки. Он был ловким охотником. Но не раз неуспевшую ускользнуть будару далеко отбрасывало в море разъяренное чудовище, почуявши копье под ластом. Почему Менка не погиб в волнах, как некоторые из его сородичей?

Он чувствовал себя оттесненным от жизни, загнанным в юрту смертельною тоскою. Так когда-то далеких предков его, владевших всей Азией, теснили и гнали на север новые народы до тех пор, пока не отошли они до холодного и бедного края земли, оставив по себе воспоминания, как о неведомой и загадочной чуди[1].

II

Весною Менка покинул свою берлогу.

Поселяне едва признавали его. Он был тощ, хил и костляв. Даже насквозь прокопченное дымом очага лицо его с засевшею в морщинах копотью носило на себе все признаки мертвенной желтизны. Никто и не сомневался в том, что Менка доживает последние дни. Наоборот, каждый из встречавшихся ему соплеменников спешил это ему высказать и без всякой учтивости к тому же. Менка, улыбаясь, покорно отвечал:

— Да, да! Это верно, как весна и море. Скоро я позову тебя прощаться со мной, приятель.

Менка, подставляя спину свою молодому солнышку, таскался по берегу. Он пытался спустить до воды свою будару и на это не хватило его сил. Отойдя от нее, он взял копье и бросил его в горстку зазеленевшего на бугорке мха, и копье упало на полпути к цели. Менка, смеясь, оставил его там, где оно лежало, и, вернувшись в юрту, приказал жене привести оленей.

— Кто режет весною оленей,—воскликнула она,— когда вода кишит рыбой?

Старик повторил свой приказ. Она должна была подчиниться и привела оленей. Менка с трудом впряг четверку в нарту, взял дорожные принадлежности и сказал, что едет за сыном.

— Нужно, видишь ли, убить меня,—сказал он сухо,—потому что у меня нет уже сил прокормить себя и тебя. Пусть он сделает это, как велит обычай.

Старуха, ошеломленная его словами, стояла недвижно; он, зная, что обычай повелевает ей уговаривать его отказаться от намерения, погнал оленей со всей быстротой, на которую они были способны.

Они понесли его птичьим летом.

Менка надеялся найти сына на верховьях Ануя. Оленные чукчи весною прикочевывают ближе к морским берегам, и обычные пути кочевий были известны старому онкилону не хуже, чем его сыну.

Весна, осень и лето за полярным кругом сливаются нераздельно в один теплый солнечный день, меркнущий по вечерам, но никогда не погружающийся в ночь. Тундры с непредставимою быстротою, едва оттаяв с поверхности, покрываются зеленью мхов и кустарников. Полярный мак здесь цветет с несравненной яркостью, цветы ромашки покрывают ладонь взрослого человека. Здесь все спешит насладиться теплом и светом за долгие ночи и сумеречные дни бесснежных зим.

Менка несся вперед на сытой четверке сильных и ловких животных столько, на сколько хватило их сил и дыхания. Он ни о чем не думал, он ни о чем не заботился. И прошлое и будущее лежали перед ним с такой же ясностью, как весна, земля и солнце. Он оглядывался по сторонам, и ничто не будило в нем мыслей о смерти. Нет, он взглядывал на зеленый покров, и только зеленый покров отпечатывался в его сознании. Нарта его неслась по зеленеющей рощице карликовой березы, и ничего, кроме берез, не вставало в его мозгу. Ночью, на привале, он слышал над собою клекот лебедей, гогот гусей, и ничто более не занимало его мыслей. Во всяком случае, они не навевали на него ни тоски, ни грусти, ни сожалений. Менка принимал жизнь, как она есть и, завернувшись в теплые шкуры свои, он заснул без единого мига промедления.

Он не ошибся в своих расчетах. Охотники, встретившиеся ему, рассказали со всеми подробностями,

[1] Происхождение чукчей, гиляков и коряков, известных под именем „палеазиатских“ народов, обитающих на северо-востоке Сибири, до сих пор не установлено. Доказано одно только, что они не состоят в родстве с остальными народами Азии, и есть предположение, что некогда они занимали всю Сибирь. Однако, указание на тождество их с легендарным народом, известным в народе под именем „чуди“, представляет из себя гипотезу (предположение) автора, основывающегося на сходстве названий „чукчи“ или „ч у ч и“, по произношению сибиряков, со словом „ч у д ь“ (тождество слов отмечает также и Даль). Ничего невероятного, однако, в таком предположении нет.

как найти поселок, с которым кочевал Мамот. Путь был не близок. Только к вечеру на следующий день собаки Менки с веселым лаем откликнулись на запах жилья.

Мамот был удивлен и приездом отца, и переменою в нем, и видом полузагнанных оленей.

— Что случилось?—спросил он,—кого поразил злой дух? Тебя? Мать?

Менка не спешил с ответом, но после всех нужных приветствий и учтивостей ответил спокойно:

— Этой зимою я потерял свои силы и, вот уже пришло время моего конца. Назначь день, когда ты приедешь убить и похоронить меня.

Мамот покачал головою, потом с усмешкою сказал:

— Я пришел к тебе, а не к русскому!—напомнил Менка.

— А я не хочу губить свою жизнь,—резко сказал Мамот,—русские посадят меня в каменную клеть с запертой дверью на столько, на сколько они захотят, за убийство отца. Я знаю законы, которыми они управляются. Эти законы одинаковы для всех, кто живет под их охраною!

— Русские были всегда,—возразил Менка,—но мы не отменяли для них своих обычаев!

— О,—усмехнулся Мамот,—ты знал русских, которые спаивали тебя водкой, чтобы дешево выменять шкуру зверя! Ты знал русских, бравших с тебя ясак! Им мало было дела до нас и наших обычаев. Теперь

Все спешит насладиться теплом и светом.

— Послушай-ка меня, отец мой, то время, когда у нас исполнялся этот обычай прошло, а то, что прошло нельзя вернуть никому... Вот чем лучше,— воскликнул он,—кочевая наша жизнь, чем тех, кто прилеплен к берегу моря, как камень: мы бродим по всему краю, встречаем других людей, заходим и в русские селения... И мы знаем то, что не дошло еще до вас.

Менке не нравилась ни усмешка сына, ни его слова. Он угрюмо спросил:

— Что же ты узнал, Мамот? И как это можно помешать смерти человека, который решил сам в себе, что ему нужно умереть?

— Русские не признают наших обычаев,—ответил Мамот,—они наказывают всякого, кто поднимет руку на отца или сына или чужого человека, хотя бы и по воле того, кто хочет быть мертвым.

пришли другие русские: они не носят пуговиц и не раздают старшинам медалей на лентах!

— Так ты испугался этих новых русских?—горько упрекнул его Менка,—так тебе стал дороже русский, чем отец?

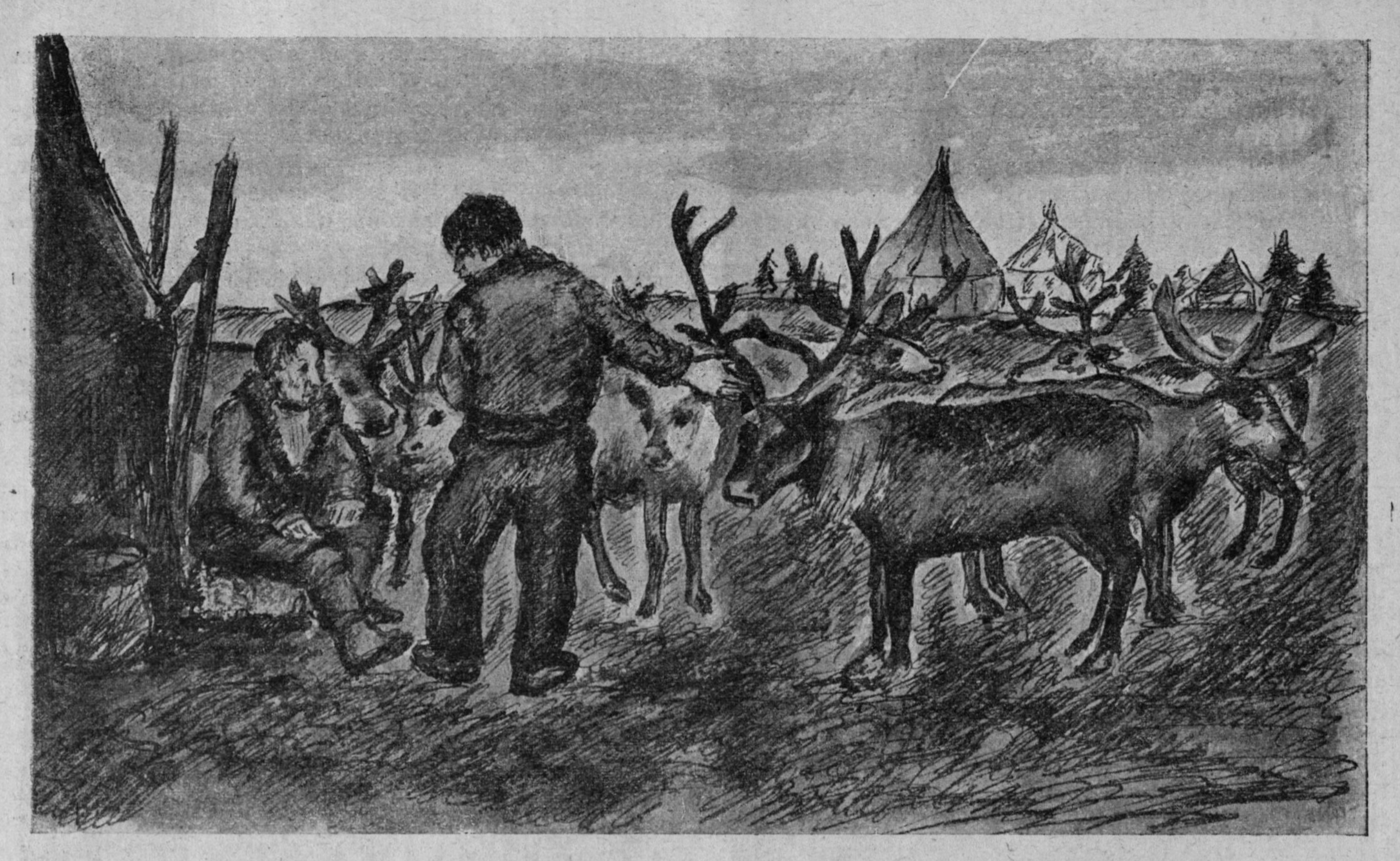
Мамот опустил голову, избегая гневных взглядов отца, но произнес твердо:

— Они хотят нам добра, и я не вижу нужды в том, чтобы не подчиняться их законам...

Менка встал. Мамот удержал его лаской и настойчивостью.

— Погоди,—сказал он,—погоди, отец. Я покажу тебе все, что я имею, и может быть, ты примешь мое приглашение и отменишь свой приказ.

Мамот вывел отца из юрты и при нем кликнул своих ручных оленей, пасшихся невдалеке. Они подошли, потираясь мордами о его руки, как со-

Олени, как собаки, потирались мордами о руки Мамота.

баки. Он отдал им какой-то странный приказ, сопровождая его легким посвистом, и олени умчались прочь с быстротой стрелы, пущенной крепкою рукою из лука.

Через полчаса они привели из долины, поросшей мелким лесом, стадо оленей в сотню голов. Оно стало перед юртою Мамота, Мамот обошел всех животных, давая им свое плечо или руку для приветствия. После обмена приветствиями все стадо было вновь уведено вожаками в долину.

— Вот мои стада,—гордо сказал Мамот,—ты видел и знаешь, хватит ли моих сил прокормить отца и мать! Пойдем теперь в юрту!

В юрте Менке были показаны шкуры песцов, соболей и лисиц, а затем и то, что было выменено ранее на шкуры, добытые охотником. Тут были медные котлы и кружки; несколько ножей и топор, плитки кирпичного чая, сверток табаку и сахару и, наконец, новенькое ружье.

— Смотри,—повторял Мамот,—смотри, вот богатства, вот вещи, которые украшают землю и делают жизнь приятной и легкой. Останься со мной и ты будешь сыт, здоров и весел, как я, до тех пор, пока смерть сама по себе не придет к тебе. Слышишь, отец!

Менка смотрел равнодушно на все, что видел, и не отвечал ни слова на то, что слышал. Наконец, когда усталый и взволнованный созерцанием своих богатств замолк и сам Мамот, Менка заметил тихо:

— Нет ничего в мире слаще здоровья и силы. У кого есть силы, у того есть все. Без сил мне горько жить. Не добавляй к моей горечи новой, убей меня, потому что у меня нет другой руки, смерть от которой я предпочел бы!

Мамот, покачав головою, повторил свои возражения. Менка знал, что одинакова твердость их решений, и не видел возможности повлиять на их изменение.

— Хорошо,—сказал он,—пусть каждый из нас делает так, как считает лучшим.

На другой же день Менка покинул юрту сына.

Через четыре дня он вернулся домой, разбитый дорогой, ослабленный голодом и смертельной тоскою. Он со страхом следил за своими падающими силами; их едва достало, чтобы гогонять оленей.

Теперь, у входа в свою юрту, силы оставили его. Жена ждала только первого его слова, чтобы приступить к обряду.

Но Менка сказал горько:

— Мы родили с тобой дурного сына, который не хочет исполнить последней воли отца! Мне придется самому позаботиться о себе. И как можно скорее,— добавил он тихо,—потому что, быть может, скоро уже не станет моих сил и на это...

Женщина заплакала, но слезы ее не трогали Менки, да едва ли она и лила их с этою целью. Они составляли одно из звеньев обряда, и никто не придавал им другого значения.

Утром Менка вышел на берег; двенадцать лучших охотников готовились выйти в море, где был замечен кит. Поселяне вышли проводить их, и берег был полон сородичами. Менка с улыбкою объяснил им, почему его сопровождает плачущая жена, и просил помочь ему.

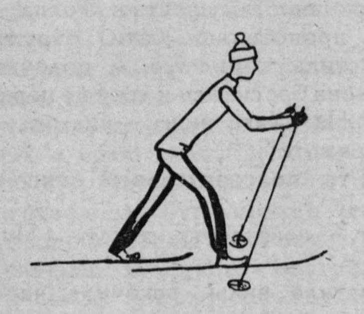
Охотники задержались у берега, пока Менка выбирал себе камень. Затем ему было очищено лучшее место в лодке, и, когда он сел, ему связали руки и к ногам привесили камень. Лодка отплыла от берега под прощальные приветствия оставшихся. В море двое ближайших охотников подняли Менку и бросили за борт.

КФП

УЧИТЕСЬ ХОДИТЬ НА ЛЫЖАХ

Учиться ходить на лыжах нужно сначала без палок. Начнем с правой ноги. Лыжа сильным движением полусогнутой ноги, на которую переносится тяжесть тела, выносится и скользит вперед. Затем тяжесть тела переносится на другую ногу, и повторяются те же движения. Корпус нужно наклонять немного вперед и в сторону скользящей ноги.

Когда вы научитесь передвигаться таким образом — переходите к изучению стилей лыжной ходьбы. Тут уж нам не обойтись без палок. Поэтому возьмите их в руки и слушайте.

Стилей существует очень много. Изучать их сразу все—дело невозможное. Давайте поэтому изучим два, наиболее употребительные.

Простейший стиль, это так называемый „русский ход“. Для того, чтобы правильно итти русским ходом, надо палки взять повыше уровня ваших плеч. Ноги работают так же, как и при ходе без палок. А руки работают так: когда впереди правая нога—левая рука с палкой выносится вперед, и палка втыкается в снег на одной линии с носковым ремнем правой лыжи. Рука сперва выпрямляется, затем сгибается — корпус получает опору и идет вперед. После этого „работают“ левая нога и правая рука и т. д.

Применяется „русский ход“ при больших переходах. При нем мало устаешь, хотя двигаешься довольно быстро.

Другой стиль—„финский“, этим стилем передвигаться можно гораздо быстрее.

Финский ход имеет несколько видов: без шагов, с одним шагом и с двумя. Финским стилем без шага ходят так: палки, взятые на высоте плеч, втыкают концами около носковых ремней лыж, руки прямые. Затем корпус быстро наклоняется вперед, руки сгибаются и толкают весь корпус вперед. После этого ноги и корпус опять выпрямляются, палки отрываются от снега, и движение повторяется.

Финским ходом с одним шагом ходят почти так же, как и без шага. Разница тут только в том, что при выбрасывании рук с палками вперед лыжник делает ногой шаг вперед, а затем приставляет к этой ноге другую. Причем палки втыкаются на уровне носкового ремня той лыжи, которая вынесена вперед.

Финский ход в два шага отличается тем, что на один толчок палками приходятся два шага. Пользуются им при малоскользком снеге, при больших переходах,—при этом стиле мускулы мало утомляются. Запомните еще одно правило: при таком ходе палки нельзя расставлять широко, т. к. это и вредно для организма и замедляет ход.

На этом мы бы закончили, если бы вам не нужно было делать поворотов. Но без поворотов ездить нельзя. Самый простой поворот делается так: стоя на месте надо оторвать одну лыжу от снега, отнести ее носком в сторону и опустить. Затем приставить другую ногу. Так постепенно переставляя ноги — повернуться в нужную сторону.

Вот простейшие основы правильной ходьбы на лыжах.

ЧЛЕНЫ **КФП**,
А ТАКЖЕ ВСЕ ПРОЧИЕ ЧИТАТЕЛИ, ПОМНИТЕ, ЧТО В 1930 ГОДУ ЦЕНА НА «ПИОНЕР» СНИЖЕНА С 20 ДО 10 КОП.
А ВЫХОДИТЬ ОН БУДЕТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Преображенные кирпичи

Фельетон Л. КАССИЛЯ
Рисунки А. КАНЕВСКОГО

Кимры—городок небольшой. Но заселен он большими и крайне неприятными цифрами. Живут в Кимрах 2 635 лишенцев—торговцев, высланных за разные преступления. Стоит в Кимрах пять церквей. Одна из них недостроенная. Церковь преображения.

Много лет стоял этот храм божий незаконченным, и решили кимрские рабочие разобрать его, чтобы из разобранных материалов, кирпичей, досок, построить родильное отделение при больнице. Родильный приют был необходим. Ребятам негде было родиться... Строительных материалов было мало. А церковь только на разбор и годилась.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет согласился с кимрскими рабочими. „Разбирайте,—говорит,—товарищи. Стройте родильный. Пусть будет, где младенцам рождаться“.

Но церковники кимрские, божьи старушки, сиплые старички, благочестивые прохвосты, святые кулаки, преподобные лишенцы, заартачились. „Не отдадим,—заявили,—церкви. Пусть младенцы, где хотят, там и рождаются. Не наше это дело. Христос, божий сын, и тот в хлеву на свет божий произошел. Ишь ты, какие“.

Послали церковники во ВЦИК делегацию. Потом еще одну. Вернулись те ни с чем,—ВЦИК безбожно постановил освободить площадь для очередных младенцев.

Видят кимрские праведные лавочники, ничего у них не выходит: советская власть больше заботится о земле, чем о небе. Тогда церковный священник отец Колеров пустился на такое дело. „Объявляю,—говорит,—последнюю службу в церкви на 19 мая. Приходите, верующие, помолиться напоследок в храме божием. Разрушают большевики святое место. Будут в святых стенах дитенки рождаться. Прямо срам на весь храм“.

Наступило воскресенье 19 мая. Народу в церкви собралось видимо-невидимо. Служили молебны, панихиды. Младенцев крестили пачками. А после вылез на амвон батюшка Колеров и возговорил гласом велием:

— Братие! Отстроим церковь своими силами. Только действуйте, братие, потише, а не то как бы хуже не вышло.

На следующий день к церкви пришла комиссия, чтобы переписать церковное имущество. Толпа, подогретая вчерашней проповедью бати, окружила церковь и не подпустила комиссию. А полоумная баба-кликуша Карнаухова бросилась к дверям церкви, повисла на замках. „На замке вишу,—визжит,—на замке и умру. Хоть режьте“.

А тут еще какой-то подозрительный тип вынырнул.

— Долой,—кричит,—советскую власть. Пусть будет власть божья.

Одна женщина схватила вилы, вскочила на паперть и заявила:

— Я—архангел Гаврила.

Многие хоть и не поверили ей, но буйствовать продолжали.

Ударили в набат. Большая толпа разъяренных церковников заполонила улицы. Кулаки шныряли в толпе и кричали о том, что большевики обижают бога и православных лавочников.

Мимо проходил рабочий Кожевников.

— В чем дело?—спрашивает.

— Верующие храм божий от большевиков спасают,—говорят ему,—не позволяем младенцам в святых стенах происходить.

— Напрасно,—отвечает на это рабочий Кожевников,—родилка нам очень даже нужна, а истинные верующие и дома молиться смогут.

— Бей его!—закричала дикая толпа. Кожевникова ударили в лицо.

Он упал, обливаясь кровью. Его стали избивать кольями. Его топтали ногами. Били лежачего.

Прибежали товарищи Кожевникова, тоже рабочие, и спасли полумертвого Кожевникова.

Разгорячившаяся орава торговцев, лишенцев и кустарей стала избивать проходивших рабочих, милиционеров, женщин в красных платочках. Избили комсомольца, накинулись на работницу, напали на комсомолку.

— Бей их!—кричали в толпе сытенькие подстрекатели,—бей их, они не нашей партии!

А вокруг да около юлил батя отец Колеров и говорил речи.

Три дня бил набат, три дня батя говорил речи, три дня орали и бесновались „добрые христиане“, избивая ни в чем неповинных людей, призывая бороться с советской властью. Через три дня религиозный угар прошел. Коноводы контр-революционных церковных безобразников были арестованы.

Перед пролетарским судом предстали, кроме священника Колерова, кулак Богданов, церковный староста Ананий Байков, крупный кустарь-заготовщик обуви Овчинников, бывшая шинкарка Смолина и много других, также бывавших уже на скамье подсудимых за хулиганство, спекуляцию, скупку краденого, самогоноварение и за другие „хорошие дела“.

Рабочие г. Кимры с нетерпением ожидали процесса.

Рабочих в Кимрах немного, всего лишь две тысячи. В уезде Кимрском живут 40 000 кустарей-сапожников. Почти все они не организованы. Только треть из них кооперирована. Большинство тайком содержат наемных работников. Это—маленькие фабрикантики со всеми милыми качествами хозяйчиков. Этим вот и объясняются возмутительные кимрские события 20-го мая. Под прикрытием „божественных“ лозунгов, кимрские церковники вели антисоветскую пропаганду, именем бога науськивали темную массу верующих на советскую власть и коммунистов.

На суде „отец“ Колеров всячески пытался выгородить себя.

— Я,—говорил он,—наоборот, успокаивал толпу, ходил с краю и вообще ничего не знаю.

Но суд легко выяснил, что поп Колеров уже давно подготавливал бунт против захвата церкви. Он был „духовным отцом“ кимрских событий, „крестным“ затеянного кулацкого выступления. На действиях всей своры лежало его благословение.

Суд отлично разобрался во всех мелочах дела. Картина получилась ясная. Пользуясь тем, что в Кимрах мало рабочих и много людей, ненавидящих советскую власть, церковники и торговцы, заслоняясь крестом, пытались натравить религиозных жителей на представителей совласти. Суд приговорил попа Колерова, кулака Богданова и еще нескольких организаторов выступления к расстрелу. Остальные все получили по заслугам.

Рабочие г. Кимры вздохнули облегченно.

А из церковного кирпича в Кимрах выстроят, вероятно, скоро отличный родильный приют. И будущие маленькие жители Кимр получат специальный дом из „преображенного“ кирпича. В этом доме они с удовольствием будут рождаться.

Я—архангел Гаврила.

КИП

ИНЖЕНЕР-ПИОНЕР

№ 12

ЧТО ТАКОЕ ИНЖЕНЕР-ПИОНЕР? ПИОНЕР, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ СТАТЬ ИНЖЕНЕРОМ, ИЗОБРЕТАТЕЛЕМ, ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ. (Из устава КИП'а.)

ИЗВЕСТИЯ КЛУБА ИНЖЕНЕР-ПИОНЕРОВ

МЫЛОВАРЕННЫЙ ЗАВОД

ВТОРАЯ ВАРКА

Прошлый раз мы варили мыло из сала и щелока. Теперь мы прибавим еще подсолнечного масла

РЕЦЕПТ

Топлен. говяжьего сала	— 700 гр.
Подсолнечного масла	— 300 гр.
Щелока	—1000 гр.
Воды	— 500 гр.

Щелок мы приготовим так: 200 гр. каустической соды растворим в 800 гр. воды.

ВАРКА

Сало и масло загрузим в котел, прибавим четверть всего заготовленного щелока и поставим на плиту.

ПЕРВАЯ НАША ЗАДАЧА—РАСТОПИТЬ САЛО. Пока все сало не разойдется, надо скрести дно лопаточкой, чтобы не пригорело. ОГОНЬ ДЕРЖАТЬ НЕБОЛЬШОЙ. А не то мыло уйдет из котла.

ВТОРАЯ ЗАДАЧА—ДАТЬ ЖИРУ И ЩЕЛОКУ ХОРОШЕНЬКО СМЕШАТЬСЯ. Когда они смешаются, получится желтая кашица, в которой нельзя уже будет различить, где жир и где щелок.

ТРЕТЬЯ ЗАДАЧА — ПРЕВРАТИТЬ СМЕСЬ ЖИРА И ЩЕЛОКА В МЫЛО. Для этого надо «отдать», т. е. вылить в котел остальной щелок. Сделать это надо не сразу, а в несколько приемов, и каждый раздавать мылу снова вскипеть. Наконец, когда щелок весь будет отдан, прибавить понемногу 500 гр. воды (пол-литра).

КАК УЗНАТЬ, ГОТОВО ЛИ МЫЛО

Есть два признака. Об одном уже говорилось прошлый раз, во время первой варки. На всякий случай напомним.

ПЕРВЫЙ ПРИЗНАК: Надо взять с лопаточки немного мыла двумя пальцами и растянуть в нитку. НИТКА ДОЛЖНА ОБРЫВАТЬСЯ ТОЛЬКО ТОГДА, КОГДА ПАЛЬЦЫ РАЗДВИНУТЫ ВО ВСЮ.

Если нитка обрывается раньше—прибавить воды.

Если совсем не обрывается—варит еще, но воды не добавляйте, ее и так слишком много.

ВТОРОЙ ПРИЗНАК: Возьмите на лопаточку немного мыла (только без пены) и слейте на стеклышко. Когда мыло застынет, попробуйте, твердое ли оно.

Если твердое—мыло готово.

Если мягкое—варите еще.

Если слишком твердое, крошится—добавьте воды.

ОТСОЛКА

Когда мыло сварено, надо его отделить от воды и оставшегося щелока. Для этого бросайте в котел соль и мешайте.

Как же узнать, отделилось ли мыло от воды?

А вот как: надо взять на лопатку пробу и дать ей стечь обратно в котел. Если по лопатке бегут отдельно крупинки мыла и капли воды, значит дело сделано.

СЛИВ В ФОРМЫ И РЕЗКА

После отсолки надо снять котел с огня, дать мылу отстояться и потом слить его в форму. Когда застынет, разобрать форму и порезать мыло на куски проволокой.

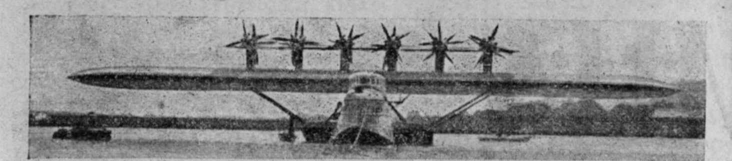
Мастера-мыловары! Пишите нам, как идет у вас работа. Если не ладится, мы посоветуем, что делать.

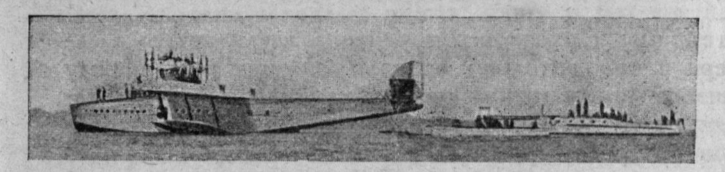
Мыловаренный завод на улицах Сингапура.

КИНО КИП'а

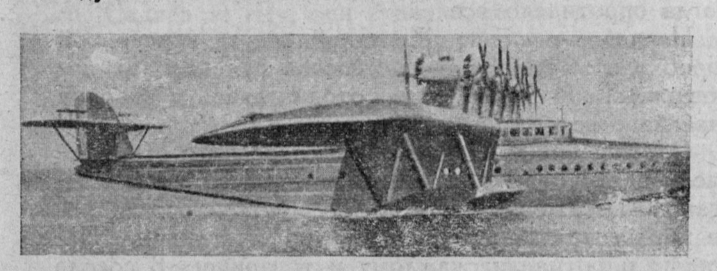
ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ ДО X

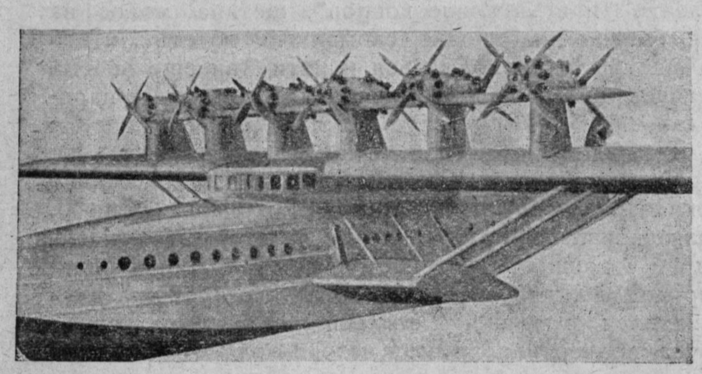
Это—воздушный корабль, построенный в Германии, на заводе Дорнье. Называется он—ДО X, т. е. Дорнье десятый. Он рассчитан на 100 пассажиров. Скорость хода—240 *км* в час.

Вот он бежит по воде перед взлетом. На носу стоят люди. Какими маленькими кажутся катера и лодки рядом с воздушным гигантом.

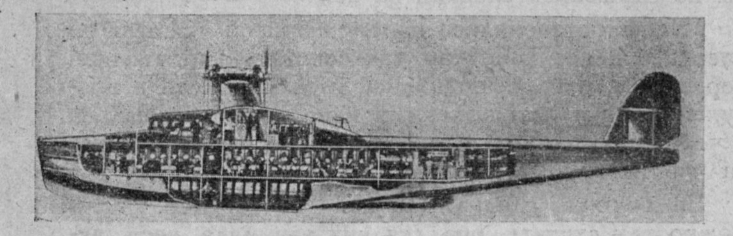

Теперь он повернулся к вам другим боком.

Он подошел поближе, чтобы вы могли разглядеть его получше. Над крыльями—шесть моторов. Моторы восьмицилиндровые; цилиндры расположены звездой.

Под средними двумя моторами—окна командной рубки.

А вот как воздушный корабль устроен внутри. В верхнем этаже—командная рубка, в которой находятся рулевой, капитан и помощник капитана. Дальше—машинное отделение. Здесь—все рычаги и маховички, которые служат для управления моторами. Следующая комната—радиостанция. В среднем этаже—ряд комнат для пассажиров: столовая, ванная, кухня, помещения для багажа и провизии. В нижнем этаже—резервуары с топливом.

Воздушный трехэтажный дом. Таких самолетов еще не бывало.

Изобретения проф. Чепуховского

Велосипед-маслобойка

Я шел по дороге. Вдруг слышу голос:

— Погодите немного. Куда вы так спешите?

Я обернулся и увидал своего друга проф. Чепуховского. Он ехал на велосипеде, тяжело работая ногами.

Можно было подумать, что он взбирается в гору, хотя место было совершенно ровное.

Когда он подъехал поближе, я увидел, что позади седла к велосипеду прикреплена большая бочка. В бочке что-то булькало и хлюпало.

Профессор тяжело соскочил с машины и сказал, вытирая платком мокрую лысину:

— Мое новое изобретение.

— Вижу,—сказал я.—Но что это у вас там в бочке?

— В бочке—масло. Это велосипед-маслобойка. Во время езды кривошипно-шатунный механизм приводит во вращение мешалку, которая находится в бочке. Видите, вот это—кривошип, это—шатун. В результате масло сбивается как нельзя лучше.

— А как насчет скорости?—спросил я.

— Скорость езды? Превосходная.

— Знаете что, дорогой профессор, сделаем опыт. Вы сядьте на велосипед, а я пойду пешком. Кто раньше дойдет вон до той деревушки.

— Хорошо,—сказал профессор и взгромоздился на свою машину.

— Раз, два, три.—Скомандовал я, и мы тронулись.

Профессор работал ногами изо всех сил. Но к концу первой минуты я уже обогнал его на десять шагов. К концу второй минуты расстояние между нами еще больше увеличилось. К концу третьей минуты проф. Чепуховский налетел на телеграфный столб. Замечательная машина разбилась вдребезги.

Я поспешил на помощь к своему ученому другу. Он сидел среди обломков велосипеда и вытирал платком брюки, залитые смесью молока и масла.

— Вы не ушиблись?—спросил я.

— Нет, на этот раз отделался пустяковой царапиной.

— Но посмотрите, ведь, масло все-таки сбилось. Здорово? А? Как вы думаете?

Зав. клубом М. Ильин

ПЕТИЦА

Рассказ Л. БЕРМАНА
Рисунки МАКСИМОВА

Она, действительно, была величиной с ноготь... Впрочем, расскажу все по порядку.

Пароход кашлянул паром, дал три хриплых гудка и один раз приспустил флаг. У них, у пароходов, гудки иногда означают „прощайте", а приспущенный флаг заменяет приподнятую шляпу. Тяжелую сцену расставания поторопилась закончить погода. Несколько мазков туманом, и парохода как не бывало.

Зимовщики остались одни. Кругом в лощинах лежал снег, сбегая почти до самого моря. Плетеная из железа мачта радиостанции уходила вверх, как призрак Эйфелевой башни.

В тихую погоду особенный шум подымался здесь над полярным молчанием. Чаще всего это гудел мотор. Потом металлической щеткой, запинаясь и повторяясь снова, частила искра в разряднике радиоприемника.

У семи человек, оставшихся на станции, работы хватало. Утром, надев на головы финки, а на руки — рукавицы, все они спускались к берегу подвезти к станции уголь, лежащий у самой воды муравьиными кучами с человеческий рост. Потом принимались каждый за свою работу.

Наблюдатель отправлялся к сквозной деревянной будке, построенной на холме, и тщательно записывал все, о чем ему говорили стрелки, самопишущие перья и ртутные столбики приборов. Потом он оглядывал горизонт и, щурясь, определял величину облаков на небе и силу волнения на море.

Станция передавала на материк сведения о погоде. Где-то там, далеко, радисты приемных станций писали под диктовку ее точек и тире. Маленькая станция была поставлена сторожевым постом в том таинственном краю, где зарождаются огромные потоки холодного воздуха, способные затопить всю Европу.

Радисты поочередно несли дежурства, передавая свои и слушая чужие передачи. Станции людных мест были болтливы, и много интересного можно было узнать за день. Но стоило смотреть и кругом.

Солнце чертило по небу все более короткую дугу. По утрам поверхность моря странным образом теряла свою подвижность. Блестки льда покрывали бухту сверкающей чешуей. Наконец, выпал снег и стер границу между землей и морем. Солнце скрылось вовсе, чтобы вернуться только через 98 дней.

Единственным веселым днем на станции теперь оставалась суббота. В этот день кололи дрова, пилили снег для бани и долго разминали уставшие члены в облаках пара и потоках горячей воды. Хорошо было еще выходить с собаками на медведя и ставить капканы на песца. Но морозы становились нестерпимы и охота все труднее. Задули ветры с севера и положительно заперли зимовщиков. Между жилым домом и помещением станции пришлось натянуть тросс. Только крепко уцепившись и перебирая по троссу руками, можно было пробиться из жилого дома на работу. Ветер хватал за полы и бросал в лицо пригоршнями снег, а тросс, воткнутый в метель, казался протянутым в бесконечность. Тогда опротивело все.

Началось с пищи. Жестяной вкус консервной коробки и жесткий привкус засола преследовал зимовщиков. И все чаще отодвигалась в сторону тарелка с недоеденным обедом.

Отвращение к еде незаметно перешло в отвращение к обстановке. Покосился шкаф — никто не подставил на место выбитую ножку, постели оставались не убраны, окурки ложились мимо пепельниц. Наконец опротивели каждому и товарищи. В соседе раздражало все: любимое его словечко вроде „так сказать" или „в конце концов", щетина волос на невыбритом подбородке, сломанный ноготь... и это должно было продолжаться и итти так еще восемь месяцев, целых восемь месяцев до появления парохода.

Так бы и было, если бы не появилась она...

Зимовщики пили в столовой чай и рассеянно жевали безвкусные отсыревшие плошки „Сафо". Разговаривать было не о чем и стояло молчание. Вдруг старший радист нахмурился, подобрал подбородок и откинул голову. Низкий, сверлящий звук ввинтился в тишину столовой. Какая-то черная точка прочертила мимо него в воздухе плавную кривую и сделала несколько кругов вокруг лампы. Потом звук прекратился. Молодая гололобая муха побежала по столу.

Несколько пар глаз нащупали ее и с этой минуты не отрываясь следили за ней.

Мушка остановилась перед крошкой „Сафо" и уперлась в нее хоботком так основательно, что две передние лапки ее поднялись и заболтались в воздухе. Концы закругленных и прозрачных крыльев с черными жилками чуть трепетали, словно оставались настороже.

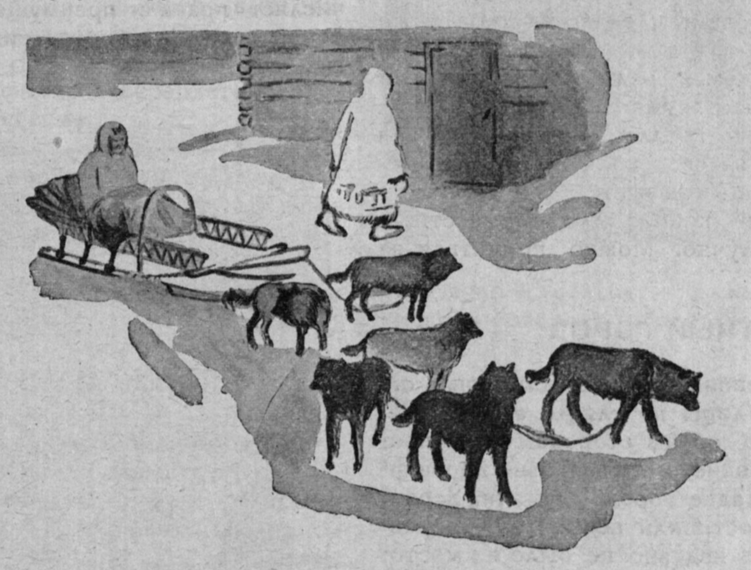
Зимовщики следили за ней неотступно. Если можно так сказать, она для них занимала весь экран и была дана большим планом. Они видели жилки на ее крыльях, изломы ее черных ножек и легкое колебание ее огромных составных глаз.

Наконец, мушиный ужин кончился. Муха пробежалась по столу, временами останавливаясь, чтобы почистить передние лапки. Она совершенно по-человечески потирала одну лапку другой и повторяла это несколько раз. Потом поднялась и полетела.

С этого момента на станции появилось существо, наполнившее мысли зимовщиков нежностью и заботой. Ведь, несомненно, что оно пришло на этот остров вместе с ними и оттуда же, откуда пришли и они,—и потому что никогда ни единой мухи не рождала эта земля. В то же время несомненно было, что она родилась именно здесь, потому что она была молода, а мушиная молодость едва ли продолжается долго. Стало быть, она появилась из яичка, заложенного может быть в обертку этого самого „Сафо". Стало быть, нечего брюзжать, что „Сафо" отсырело, потому, что для развития жизни наравне с теплом нужна влага и без нее не явилась бы на станцию эта чудесная гостья.

Зимовщики окружили муху самым внимательным уходом. Утром, приходя в столовую, они первым долгом удостоверялись, здесь ли она и все ли благополучно. Если она появлялась не сразу, ими овладевала тревога. Они осторожно обмахивали комнату полотенцем, пока она не появлялась из какого-нибудь отдаленного угла, где, повидимому, дремала. Садясь за еду, они ставили на середину стола блюдечко и каждый или клал туда какую-нибудь сладкую крошку, крупинку сахара или капал туда теплую капельку супу, сгущенного молока или чая. Старались двигаться плавно, пуская папиросный дым в сторону и сами того не замечая, подтянулись. Как-то раз заметили, что муха села и стала ворошить хоботком оброненный на скатерть столбик пепла. Испугались, что это может ей повредить. Словно по безмолвному уговору стали сорить папиросами только в пепельницы и каждый день высыпать их в мусорное ведро.

И муха чувствовала себя великолепно. Она бесстрашно ходила по столу, уверенно садилась на край своего блюдца или даже на чужую тарелку, а иногда подымалась в воздух и в победном, все ускорявшемся танце кружила вокруг лампы. Иногда она садилась кому-нибудь на висок или на щеку и человек, совершенно счастливый ее вниманием, становясь предметом общей зависти, застывал в неподвижной позе, чтобы как-нибудь ее не вспугнуть.

За сотни километров на станцию приезжали самоеды.

Дни шли за днями и, что удивительно, к станции сбегалось все больше и больше следов от нарт и собачьих запряжек. Около станции вокруг флагштока на снегу сидели кудластые ездовые собаки и спали или грызлись между собой, потому что характер у них прескверный. Это за сотни и сотни километров через горы снега и пургу на станцию приезжали самоеды. Среди них разнеслось известие о редкостной птице, которая живет у русских в большом белом доме. Это была изумительная птица, меньше самой маленькой птицы, которую когда-либо видали в этих местах, величиною не более ногтя. У нее прозрачные крылья, огромные круглые глаза и вместо клюва подвижная тоненькая трубочка. И она нисколько не боится людей, живет с ними в одном доме, пьет и ест с ними из одной чашки. Закутанные в мех фигуры в узорных беличьих пимах осторожно переступали порог столовой и нелепо низко кланялись—привычка, сохранившаяся еще с царских времен. Прежняя необходимость стала теперь правилом вежливости. Они часами сидели и наблюдали за „русской петицей", как они ее называли, и иногда только испуганно шарахались в сторону, когда она пролетала слишком близко, перед самым их носом.

Однажды в феврале месяце—когда зимовка подходила уже к концу—зимовщики сошлись в столовой. Несколько гостей, что стало уже привычно, сидели тут же. Чай был уже выпит, только моторист, задержавшийся на дежурстве, рассеянно грыз сухарь и допивал свой стакан чая. Он не слушал разговора, хотя разговор для станции был интересный. Прежде станция могла сообщать только о том, что делается в районе ее видимости. Благодаря посещениям самоедов, район ее действия неожиданно расширился. То, чего прежде никак нельзя было установить,—состояние льда далеко, далеко в море или направление ветра позавчера за добрые 200 километров от станции—обо всем этом приносили сообщение гости, приезжавшие посмотреть замечательную русскую птицу. Но механик задумался и не слушал разговора. Вдруг он съежился и закрутил головой, словно ему стало невыразимо щекотно. Человек, обожженный огнем и пропахший железом, не выдержал легкого прикосновения к своей коже. Он стукнул донышком стакана по блюдцу, занес руку и ударил себя по шее. Тогда самоеды стали свидетелями необычайного происшествия. Хозяева на мгновение оцепенели. Первым вскочил наблюдатель и ударил моториста градусником, который он держал в руке. Посыпались стеклянные брызги и по полу разбежались капельки ртути. Старый радист схватил моториста за плечи и, хрипя от бешенства, валил его на землю. Скоро клубок из пяти человек катался по полу. Второго радиста отшвырнули в сторону. Он вскочил, схватился за голову и одну минуту осматривался вокруг, соображая, что, наконец, случилось. Он ударил себя по лбу и закричал отчаянным голосом:

— Опомнитесь! Стоите! Ведь,из-за мухи, из-за мухи же, из-за мухи!—кричал он бегая, по комнате и тряся за плечи катавшихся по полу людей. Наконец, его крик дошел до их сознания и клубок распался. Неузнаваемые, растерзанные люди подымались с полу.

Но с мухой было кончено. Нечего даже было хоронить.

До прихода корабля оставалось еще пять месяцев.

ПЯТИЛЕТКА НА УРАЛЕ

(Письма с Урала. Настоящее, прошлое, будущее)

Е. ХАЗИН

ИСПЫТАНИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Тесно живут на Урале. Тесней, чем в других областях Союза: на одного рабочего приходится только четыре с половиной кв. метров жилплощади. Маловато... А приезжим и совсем деваться некуда.

В каждом городе, как правило, существует Дом Крестьянина, а в окружных городах, кроме того,—еще гостиница. Приезжих же всюду столько, что коек никогда нехватает, а номеров и подавно. Забота о ночлеге создала новый спорт: скачку с препятствиями на всем пути от вокзала до гостиницы. Ведут скачку извозчики. И—нужно отдать им справедливость—ведут ее мастерски, лавируя между ямами, бросая пролетку со всего размаха на ухабы, с грохотом проскакивая расшатанные мостики и гоня лошадей по невылазной грязи.

В столице Урала—Свердловске—одна гостиница на весь город. В ней шесть этажей, сотни три номеров и ни одного свободного. Извозчики, блестяще проведшие скачку от вокзала, один за другим отъезжают от пыльного подъезда.

— Куда ехать? —спрашивает извозчик седока.

Тот уныло машет рукой куда-то в пространство. Куда деваться?

После томительных размышлений выход все же находится. Нашелся он и у меня Шесть столов в пустующей ночью знакомой редакции и диван в клубе—это больше, чем нужно одному человеку. Столы, правда, жестковаты для постели, а диван так и появился, верно, на свет колченогим,—но дорожная усталость все превозможет.

Итак, самый тяжелый вопрос для путешественника разрешен благополучно. Можно приняться за осмотр.

НЕПОНЯТНЫЙ ГОРОД

Свердловск—город непонятный. Распланирован он, как шахматная доска. Улицы не улицы, а широчайшие проспекты. Но по обеим сторонам этих проспектов тянутся кривобокие и печальные деревянные домишки. При закладке города думали, верно, построить столицу, а построили необъятную деревню. В этой деревне еще недавно не было ни мостовых, ни тротуаров, ни водопровода, ни канализации, ни бани—никаких признаков цивилизованного города.

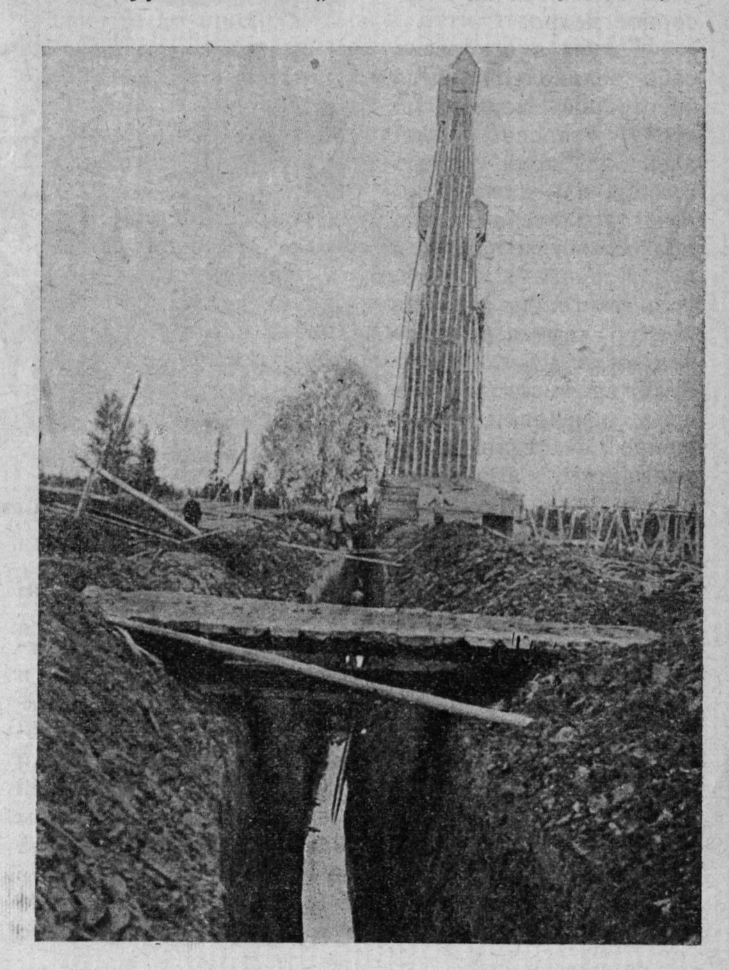
До революции делами заправляли „отцы города". Им ни до чего не было дела. Жили они в просторных особняках. Теперь еще эти особняки выделяются среди бедных строений своей аляповатой роскошью. „Отцы города" ездили в экипажах, а остальному трудовому населению милостиво разрешали жить в конурах и месить сапогами уличную грязь.

Городское строительство началось и широко развернулось в последние несколько лет. Строятся быстро. Работы идут по всему городу. Во многих местах улицы разрыты для мостовых работ и прокладки трамвайных путей; путь то и дело преграждают канавы, где укладывают канализационные трубы; водопровод уже работает; центральная часть города щетинится тянущимися ввысь лесами строящихся домов. Уже готовые здания, спокойные, строгие, деловитые, лишенные бесполезных украшений, вздымаются серыми исполинами среди старых карликовых построек.

Работа напряженная, как и всюду на Урале. Богатейшая, но технически и культурно отсталая область неуклонно рвется вперед, чтобы за пять лет великих работ наверстать десятилетия. И скоро заново застроенный Свердловск станет настоящим культурным и хозяйственным центром индустриализованного края.

ЧЕТЫРЕСТА ЛЕТ

У Уральской промышленности четырехсотлетняя история. Немало пожелтевших и источенных архивной пылью грамот, дошедших до нас от XVI—XVIII веков говорят о посланных на Урал „рудознатцах". Наказ 25 января 1643 года „ГОСТИНОЙ СОТНИ ИВАНУ ОНУФРИЕВУ" приказывает „у старыхъ мѣстъ, гдѣ мѣдныя руды сыскаЬы, велѣть руду копать и в иныхъ мѣстехъ искать и изъ тѣхъ рудъ опыть чинить". Еще через сто лет указ 1754 года подробно перечисляет права и преимущества Ивана Твердышева, основателя Златоустовских заводов и многих других, сооруженных им „по всеусердному его при-

тщенію Ея Императорского Величества интересамъ и по общей всенародной польѣ прилежности". Указ хранится теперь в Златоустовском соборе, превращенном в музей; казенное сочинительство, многословное и высокопарное, одето в блестящую парчу и скреплено гербовой печатью величиной с кулак.

Иван Твердышев и все за ним последовавшие заводчики росли, копали, добывали руду, плавили ее, мало заботясь о народном благе, но зато крепко подумывая об округлении собственного капитальца и об укреплении власти над тысячами людей. Личная удача и личные капиталы бросали их по всему Уралу. Таким путем создались разбросанные по Уралу рудники и заводы, связанные между собой жестокой враждой к соседу-конкуренту и общей борьбой заводчиков со своими рабочими.

Не то стало с тех пор, как Урал, вместо сотен враждующих между собой хозяйчиков, получил одного хозяина—рабоче-крестьянское государство. Высокопарное и пустое „по общей всенародной польѣ прилежности" обернулось подлинным стремлением к развитию и укреплению народного хозяйства.

Не легкая задача! Народное хозяйсто похоже на большую и сложную машину. Как в машине каждая мельчайшая часть имеет свое назначение и должна быть строго рассчитана, так и каждая отрасль хозяйства, каждое предприятие должно занять определенное место в общей системе. Тут нельзя недосчитать или пересчитать. Все накрепко связано цепью экономических (хозяйственных) отношений; выпадает одно звено—вся цепь упадает мертвым грузом. Верней, это не одна цепь, а целая система цепей, взаимно переплетающихся в своем непрестанном движении.

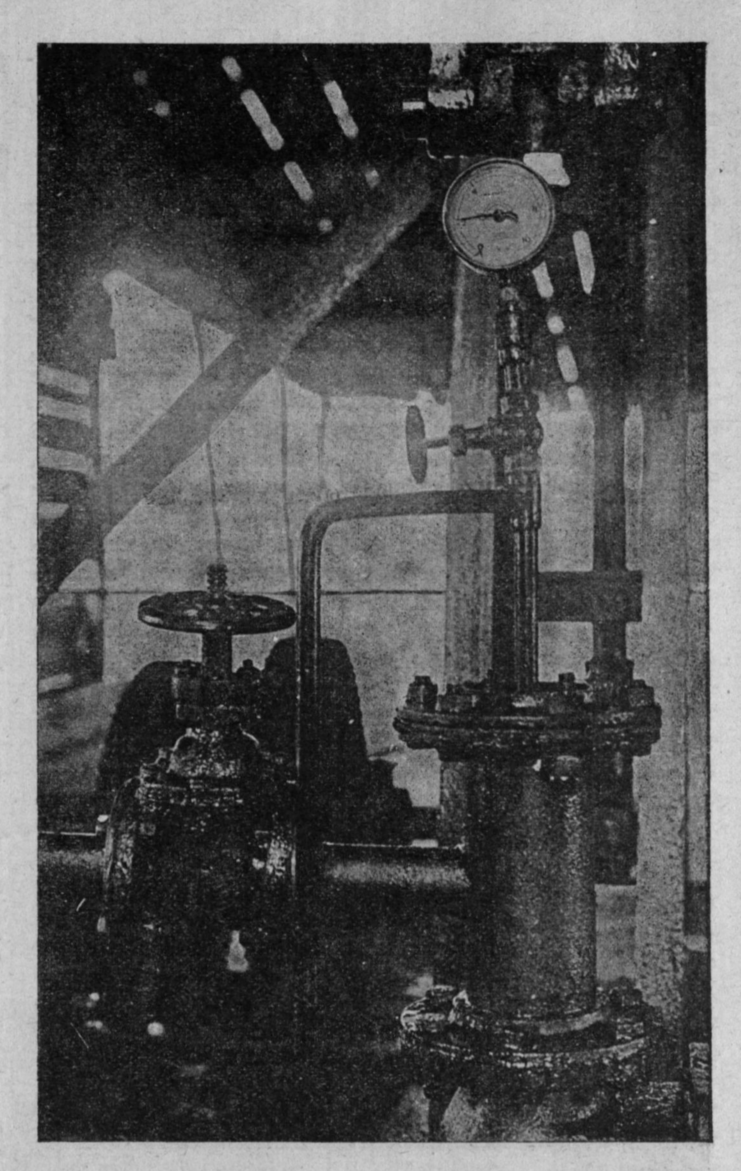
Как же связать все разрозненные части в одно нерасторжимое целое? И притом так связать, чтобы при наименьших расходов и затратах человеческого труда получить как можно больше и наивысшего качества изделий?

Для этого нужны наилучшие технические средства и наилучший план.

ПЛАН ПЯТИЛЕТНЕГО ПОХОДА

План пятилетних работ создался не одним махом—сел, подсчитал, записал. Ему предшествовала длительная и кропотливая работа, в которую были втянуты все государственные учреждения и предприятия. Каждое из них изучало свое хозяйство, намечало путь его развития и перестройки. Росли горы подсчетов, планов, проектов и цифр, цифр без конца. Подсчитывалась возможная добыча промышленного сырья, выработки фабрик, заводов, электростанций, продукция сельского хозяйства, развитие торговой сети, сети школ, больниц, клубов, театров, железных дорог, жилища и коммунальные предприятия. А с другой стороны, другие ряды подсчетов определяли, где выгодней всего строить новые заводы и расширять старые. Так устанавливался не только общий хозяйственный рост Урала, но и перекраивалась его экономическая карта: на нее наносились новые узловые пункты строящегося социалистического хозяйства.

Суммированные, обобщенные и обоснованные цифры по многим руслам потекли в один общий

резервуар—Уральскую плановую комиссию. Здесь цифры проверяли, сопоставляли, отжимали и укладывали в одну общую систему; эта система определяла планомерное развитие всего огромного уральского хозяйства. За скучными конторскими столами, в залах заседаний под споры, сухое щелканье счетов и кряканье арифмометров выковывалось будущее Урала. Стройные, тщательно выверенные ряды цифр вышли из Уралплана походом на дремлющие еще недра, леса, воды, поля, степи.

Прошел только один год, а по всему Уралу мертвые цифры обернулись уже быстро растущими стенами новых заводов, новых цехов, жилых домов, школ, рельсами дорог, стволами шахт и рудников.

Стройка идет всюду—куда ни оглянешься. Но чтобы понять, куда она ведет хозяйство Урала, нужно вернуться к цифрам, изучить их и уловить общую мысль построения их рядов.

Но тут—стой!

САМАЯ ХОДКАЯ КНИГА

Будущее Урала не хранится, конечно, за семью замками в драгоценной парчевой одежке, с узорными золотыми застежками, как истлевающий царский указ. Пятилетка изложена в простенькой небольшой книжке с четким заголовком на обложке:

ПЯТИЛЕТНИЙ ПЛАН УРАЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
1928/29—1932/33
УРАЛПЛАН
1929.

Книга нужная, книга необходимая... Но ее нигде не достать. В книжных магазинах продавцы равнодушно отвечают — разошлась! В библиотеках:— Нету... занята...

Люди, у которых книга есть, с опаской вытаскивают ее с самой дальней полки книжного шкафа. Покажут, подразнят... и не дадут. А в самом штабе пятилетки—Уралплане милостиво разрешат:

—На полчасика можно дать посмотреть. Только условие—никуда не уносить, читать здесь за столом.

Откроешь книгу и сразу поймешь секрет ее недоступности: ценную, необходимую для множества втянутых в строительство людей книгу издали всего в 2 000 экз. Не мудрено, что она тотчас же разошлась; не мудрено и то, что за книгой нужно охотиться долго, терпеливо, пустив в ход все свое хитроумие.

Наконец, охота увенчалась успехом. Ура! Книга в руках! В ней страница за страницей раскрывается картина великих работ.

И вот узнаешь:

МЕТАЛЛИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ

Уральские недра таят сотни миллионов тонн руды. Стало быть первая задача Урала—врезаться в мало еще разработанные недра и дать стране столько металла, сколько нужно машинизированному хозяйству.

Но вслед за этим первым положением идет второе. Урал богат не только рудами. А химическое сырье на Севере? А тянущиеся на сотни километров леса? А воды с их даровой силой? А плодородные поля и тучные луга на Востоке и Юге? Не оставлять же все это богатство под спудом, бросив все силы и средства на металл?

План Урала и построен на использовании всех природных богатств. Его хозяйство перестраивается таким образом, чтобы через пять лет существовать как мощный комбинат, т. е. такое сложное хозяйство, где все производства связаны между собой и взаимно необходимы. При этом одним из основных связующих звеньев Уральского комбината явится новая для него отрасль—химическая промышленность.

ДЕВЯТИЗНАЧНЫЕ ЦИФРЫ

Мысль о планомерном развитии и индустриализации Урала прекрасно отразилась в тех цифрах, которые определяют место всех отраслей хозяйства Урала через пять лет. **За пять лет ценность всей продукции промышленности вырастет**

С 588 МЛН. РУБ.

ДО 1835 МЛН. РУБ. (увеличение на 312%); **продукция лесного хозяйства вырастет**

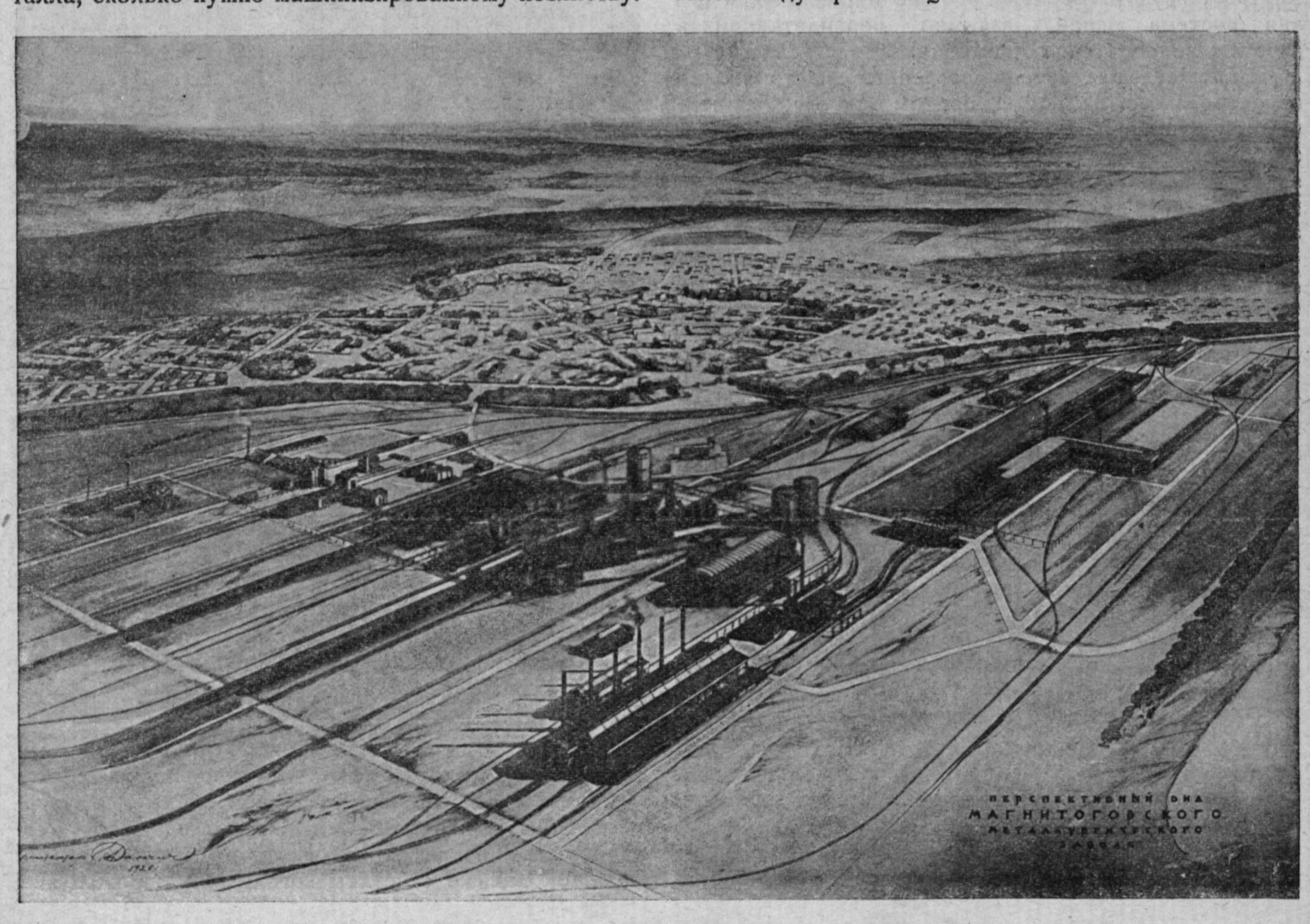
С 103,6 МЛН. РУБ.

ДО 174,6 МЛН. РУБ. (увеличение на 168,5%); **продукция сельского хозяйства вырастет**

С 596,7 МЛН. РУБ.

ДО 902,7 МЛН. РУБ. (увеличение на 151,3%),

т. е. хозяйство Урала будет расти в сторону высокой индустриализации.

Не меньшие изменения произойдут и в самой промышленности.

Старейшая и наиболее развитая отрасль черная металлопромышленность (выплавка чугуна, стали и т. д.) за 5 лет увеличится на 300%.

Другие же отрасли будут расти скорей:
машиностроение вырастет на—703%,
цветная металлопромышленность—на 360%,
химическая—1268%,
каменноугольная—308%,
горная—574%,
строительные материалы—578%,
текстильная—311%,
бумажная—591%.

Итак, основой уральской промышленности остается металл. Никто до сих пор не знает, насколько богаты рудные залежи. Каждый год разведочных работ прибавляет к уже известным запасам все новые и новые. Достаточно сказать, что известные запасы горы Магнитной после последних разведок выросли с 100 миллионов тонн до 275 млн. тонн, а запасы каменного угля увеличились еще больше—в 4 раза.

У Урала широкий размах. Куда ни глянь—всюду расчеты ведутся семи-восьми-девятизначными цифрами. Чтобы переварить такие запасы сырья, старыми, даже переоборудованными и расширенными заводами не обойдешься. Урал поэтому строит такие гиганты, каких не только он сам не знал, но каких мало в Европе и Америке. Таким гигантом будет Магнитогорский металлургический завод у горы Магнитной, который один покроет почти вдвое нынешнюю выплавку чугуна на всех уральских заводах. Таков будет и Красноуральский медеплавильный завод в Богомолове.

УРАЛ СТРОИТ МАШИНЫ

Мощное и разнородное развитие металлургии дает Уралу возможность создать собственное машиностроение, которого до сих пор на Урале не было. Не было на Урале даже крупных ремонтных баз для своих заводов. А через 5 лет загрохочут большие машиностроительные заводы в Перми, Нижнем Тагиле, Невьянске, Тобольске и—самый крупный из них—Свердловский завод тяжелого машиностроения. Не забыто и сельское хозяйство: для снабжения деревни орудиями расширяются старые заводы, строятся новые машинные заводы и среди них Челябинский тракторный завод с годовой производительностью 40 тыс. тракторов в год.

Заводы дадут сельскому хозяйству машины, а химическая промышленность—искусственное удобрение, которое сильно повышает урожай. Постройка химических заводов оказалась очень выгодной, в связи с металлургией и лесной промышленностью, т. к. коксовые, медеплавильные печи, домны и заводы лесной промышленности дают отходы и отбросы, которые станут почти даровым сырьем для химии.

Поэтому и Магнитогорское и Богомоловское и др. строительства включают и постройку крупных химических заводов. Кроме этого, Северо-Запад Урала станет через 5 лет краем химии: вблизи лежащих там калийных и фосфоритных месторождений строится Березниковский химический комбинат — один из крупнейших в Союзе,—который также будет вырабатывать искусственное удобрение.

Город — деревне; деревня в свою очередь расширяет свое хозяйство для удовлетворения растущих потребностей города. Потребность эта возрастет за 5 лет на 75%, и все же деревня не только сможет удовлетворить эту потребность полностью, но и даст еще некоторый избыток (по некоторым продуктам) для вывоза за пределы области.

В сельском хозяйстве пятилетка приведет не только к увеличению сбора хлебов и других продуктов, но и к глубочайшей перестройке: переход от сохи к трактору, от частного мелкого хозяйства к крупному социалистическому хозяйству колхозов и совхозов. Если в 1927/28 г. на Урале было 513 колхозов, то в 1932/33 году их намечается 5 573; если в прошлом году колхозы выбрасывали на рынок хлебных излишков на 0,5 млн. руб., то через 5 лет они дадут хлебов на 39,2 млн. руб., а совхозы дадут городу сельских продуктов на 19,1 млн. руб. Машина вторгнется в деревню через машино-тракторные станции, через механизированные колхозы и совхозы и широким машинным снабжением деревни. Как это отразится на всем хозяйстве, видно из того, что, одновременно с увеличением площади посева, урожайность в колхозах повысится на 20%, а в совхозах на 50—60%. Таким образом, из всего количества даваемых деревней городу продуктов доля частного хозяйства уменьшится с 98,6% в 1927/28 г. до 69,7% в 1932/33 г., а доля колхозов увеличится с 0,6% до 19,1% и совхозов—с 0,8% до 10,2%.

Мощное построение Уральского хозяйства осталось бы на бумаге или вскоре захирело без той движущей силы, которой советская экономика уделяет так много внимания — без электрификации. В плане уральской пятилетки ей отводится первая глава. Через 5 лет леса, горы, поля и степи будут стянуты металлической сеткой электропередачи, которая получит начало от трех основных узлов—районных станций. Станции эти (Губалинская, Челябинская и Средне-Уральская) должны дать 50% всей потребной электроэнергии, которая за 5 лет увеличится в $4^1/_2$ раза (с 284 млн. квт/час до 1313 млн. квт/час.). На широко развернутую сеть местных электростанций падут остальные 50%.

Новое хозяйство города и деревни потребует и новых людей; новое хозяйство потребует и повышения культурного уровня и новых бытовых условий. Об этом пятилетка не забыла. Она намечает рост количества рабочих, темп перехода на 7-часовой рабочий день, повышение зарплаты, она предусматривает отпуск значительных средств на жилищное строительство (не будет уже такой ничтожной нормы, как теперь, да и приезжим не придется, очевидно, спать на столах), на культурные учреждения, здравоохранение и коммунальные предприятия.

Все глубокие преобразования, намеченные на Урале, сделают его через 5 лет неузнаваемым. Он вырастет быстро в новый край с высокой индустрией, с новыми городами, с новой деревней. Недаром все вложения за 5 лет достигают громадной суммы: $3^1/_2$ миллиарда рублей.

Так намечает план пятилетка. А жизнь не только не отстает от плана, но и опережает его, требуя дальнейшего развертывания строительства, новых средств и новых сил.

СЕМИДНЕВКА ИЛИ ПЯТИДНЕВКА?

Теперь часто спорят о том, какая неделя должна быть: семидневная или пятидневная? Как может звездочет ответить на этот вопрос? Конечно, опытный звездочет должен прежде всего вспомнить—откуда взялись семидневная и пятидневная недели?

Давным-давно, когда Москвы нашей и в помине не было, в богатой и плодородной Мессопотамии, орошаемой реками Тигром и Евфратом, процветал город Вавилон. В этом городе зародились те основные системы календаря, которыми пользуемся и мы теперь. Древние пастушеские племена, кочевники, пользовались календарем **лунным**; даже тогда в „доисторические времена“ год делился на 12 месяцев, но месяц считался **в 30—29 дней**. В календаре тогда была путаница: получалось, что **лунный** год равнялся 348—360 дням. Если считать лунный месяц в $29^1/_2$ дней, то год выйдет равным 354 дням.

Мы теперь пользуемся, как известно, **солнечным** годом, который равен $365^1/_4$ дням. Разница между лунным и солнечными годами составляет целых 11 дней.

Пастушеские дикие племена, вероятно, целые века пользовались очень плохим календарем, но, когда постепенно возникли города, возникли и оформились религиозные культы, оформилось и улучшилось и исчисление времени. Вавилон прославился на весь мир своими системами календарного счета времени. В Вавилоне год считался в $365^1/_4$ дней, как и у нас. Наблюдениями за правильностью летосчисления занимались в Вавилоне жрецы; они и были тогдашними „звездочетами“ или астрономами. Они ввели в употребление семидневную неделю, „семидневку“, причем каждый день недели был посвящен определенному богу. Через римский календарь, который приняли христианские священники, семидневная неделя докатилась и до нас. Итак, мы, да и вся Европа, пользуемся вавилонской семидневкой! Но наряду с семидневной неделей вавилонские жрецы употребляли и пятидневную неделю, т. е. пятидневку. Местами она была введена вместо семидневки.

Особенно простой и удобный календарь встречаем мы у другого деятельного и культурного народа древности—у египтян. У египтян год делился на 365 дней; на 12 месяцев по 30 дней в каждом и на декады по 10 дней. Таким образом, у египтян были в ходу „десятидневки“ (дека—по-гречески значит „десять“). Добавочные 5 дней египтяне называли—„те, что над годом“; греки (конечно, мы разумеем здесь древних греков, создавших, кстати сказать, истинно научную астрономию) называли эти добавочные дни эпагоменами. По декадам вели счет дням не только египтяне, но и индусы, некоторые семитические племена и жители островов Тихого океана. Очевидно, что счет по пятидневкам и декадам очень древний: в самом деле, он, как показали исследования историков, связан со счетом пальцев: 5 пальцев на одной руке и 10 на двух. Научиться хорошо считать—мудреная штука, и австралийские негры, например, совсем не умеют считать дальше четырех или пяти.

Итак, какую же неделю выбрать: пяти или семидневную? Надо, ясное дело, которая удобнее для всего нашего хозяйства, при которой наши фабрики работали бы с наибольшей пользой, и выбрать такую, которая была бы проще для счета дней, т. е. пятидневную. Она столь же древняя, как и семидневная, и ведет свое начало от вавилонян и египтян.

КАЛЕНДАРЬ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В 1793 г. постановлением французского революционного собрания—конвента—был введен во Франции новый, совсем особенный календарь. Особенности этого календаря были следующие:

год делится на 12 месяцев, по 30 дней в каждом;
каждый месяц делится на три декады;
за 12 месяцами следуют 5 дней дополнительных;
дни делятся на 10 равных частей, называемых часами;
час делится на 100 минут, минута на 100 секунд;
начинается год не с 1 января, а в день **осеннего равноденствия.**

Были, кроме того, введены, новые, очень благозвучные названия и установлены новые революционные праздники (как и у нас). Например, ноябрь месяц назывался „Брюмер“, т. е. месяцем туманов, август месяц назывался „Фрюктидор“, т. е. месяцем фруктов и т. д. Дни недели (декады) назывались так: **примиди** (латинское: примус—первый, диэс—день), **дуоди, триди** и т. д., последний день декады назывался **декади.** Было, следовательно, покончено со всеми религиозными (католическими) праздниками и даже старинные названия дней недели, заимствованные у римлян, были изъяты из употребления.

Не пора ли и у нас покончить со старинной семидневной христианской неделей, где **воскресенье** напоминает до сих пор о легендарном воскресении Христа, которого, может быть, никогда и не было. У нас и названия для пятидневки готовы: понедельник, **вторник**, среда, **четверг, пятница.** Подчеркнутые названия дней хороши тем, что просто напоминают числительные: второй, четвертый, пятый.

Некоторые думают, что если ввести пятидневную неделю вместо семидневной, то календарь наш станет **неточным.** Это мнение совсем неверное: в календаре французской революции были уже десятидневки (декады), но были и добавочные 5 дней, так что год был равен $365^1/_4$ дням. День осеннего равноденствия, когда день равен ночи, бывает либо 22 либо 23 сентября. Значит, год в календаре французской революции мог иметь то 365 дней, то 366 дней. Вероятно, все знают и помнят, что годы в 366 дней существуют и у нас, в нашем календаре, и называются високосными. Следовательно, календарь с пятидневкой будет столь же точен, как и календарь с семидневкой.

О ЧЕМ ГОВОРИТСЯ В ЛЕТОПИСЯХ?

В старинной летописи, так наз., Лаврентьевской, под 912 годом имеется такая запись: **„Явися звезда велика на западе, копейным образом“.** Товарищи пионеры, разгадайте-ка эту запись. О какой звезде в ней говорится?

А вот запись несколько иного рода из Ипатьевской летописи под 1144 годом: **„Бысть знамение за Днепром, в Киевской волости: летящу по небеси до земли яко кругу огнену, и остася последу его знамение в образе змия великого“.** О каком небесном явлении говорится в этой старинной записи? Вдруг на небе и... «змий (т. е. змей) великий»? Ну-ка, юные звездочеты,—пошевелите мозгами! Вспомните, не читали ли вы что-нибудь о разных «небесных знамениях?» Юные звездочеты должны всегда помнить, что никаких **знамений** на небе быть не может, могут быть только разные **явления** на небе. «Небесные знамения» — просто сказки попов и монахов! Вот и попробуйте разгадать обе записи. Лучшую разгадку напечатаем в «Звездочете». А чтобы вдохновиться, почитайте-ка старую книгу Фламмариона «Живописная астрономия». Там описаны такие явления на небе, которые, действительно, могут напугать людей, никакого понятия об астрономии не имеющих.

КАКИЕ ПЛАНЕТЫ БУДУТ ВИДИМЫ В НОЯБРЕ И ДЕКАБРЕ

По просьбе одного деткора сообщаю, какие планеты будут видимы в декабре.

Планета Венера видна утром, вплоть до начала декабря. Она вполне доступна для наблюдений, с начала декабря она видна совсем.

Марс не виден совершенно; его не следует и разыскивать, зато в ноябре и декабре всю ночь видна планета Юпитер. Эта планета находится в созвездии Тельца.

Разыскивать Юпитер следует несколько выше красноватого Альдебарана, яркой звезды в созвездии Тельца. Наконец, Сатурн надо пытаться искать в начале вечера в созвездии Стрельца, но планета очень скоро заходит и надо успевать „поймать“ ее.

В небольшую трубу можно разглядеть на Юпитере полосы, параллельные экватору планеты, а около яркого диска ее—четырех спутников (или лун), открытых еще Галилеем в начале января 1610 года.

Интересно проследить движение этих крошечных спутников около планеты и вечер за вечером зарисовывать на бумаге их положение около Юпитера Интересно также попытаться сделать ряд рисунков Юпитера, зарисовав возможно точнее те полосы, какие видны в трубы.

КАК ОШИБСЯ ПУШКИН

Все пионеры, конечно, знают, что Пушкин—наш великий поэт.

Его стихи хороши, легки и звучны!

Есть у него такое стихотворение, тоже очень красивое, под заглавием: «Редеет облаков летучая гряда!» Оно написано в 1820 году, когда Пушкин жил в Крыму, на южном берегу.

Вот начало этого стихотворения:

Редеет облаков летучая гряда.
Звезда печальная, вечерняя звезда!
Твой луч осеребрил увядшие равнины
И дремлющий залив и черных скал вершины.

Ну-ка, юные звездочеты, что это за «вечернюю звезду» воспевает Пушкин?

Вы, пожалуй, скажете: и думать нечего—**Венеру!**

Действительно, Венеру, яркую «серебряную» звезду, часто зовут «вечерней» звездой.

Но, оказывается, Пушкин ошибся.

Чудесный прибор планетарий, поставленный под грандиозным куполом нового здания на Кудринской-Садовой, в Москве (см. «Звездочет» в № 19 «Пионера») может показывать вид неба и положение планет в **любой** вечер (или ночь) **любого** года.

И вот, когда прибор поставили на 1820 г., то выяснилось, что великий поэт ошибся: за «вечернюю» звезду, т. е. за планету Венеру, он принял другую яркую планету, планету **Юпитер.** Так планетарий исправил ошибку нашего поэта: планету Юпитер «вечерней» звездой называть не следовало.

СОЗВЕЗДИЕ, ОШИБОЧНО НАРИСОВАННОЕ НА КАРТИНЕ

Был один знаменитый художник Куинджи. Жил он в России еще в дореволюционное время. В 1878 г. написал он картину — «Летняя ночь в Малороссии». Все картину смотрели и ахали, уж очень была интересная картина! Но раз один посетитель подошел к картине Куинджи и изумился: постоял и говорит:

— Какая странная картина!

Заинтересовались, спросили посетителя:

— Почему она кажется вам странной?

— Потому что на картине нет снега.—Посетителю сказали, что, ведь, на картине изображена **летняя** ночь. Но он указал на созвездие, которое ясно было выписано на картине.

— Летом этого созвездия у нас никогда не бывает видно, а поздней осенью и зимою оно ярко блестит на нашем ночном небе.

Странный посетитель был знаменитый в те годы профессор Московского университета Федор Александрович Бредихин. Он был профессором астрономии и прославился на весь мир своими работами о кометных хвостах и так называемых «падающих звездах». Впоследствии он был директором нашей славной Пулковской обсерватории (близ Ленинграда: ныне — **Главная Российская Астрономическая обсерватория).** Конечно, Бредихин заметил ошибку художника, так как созвездие, изображенное художником, уж слишком бросалось в глаза—все его звезды художник изобразил яркими и вся фигура созвездия отчетливо была видна. Попробуйте угадать, в чем состояла ошибка художника и какое созвездие он нарисовал?

Главный звездочет проф. К. Л. БАЕВ

СЕРЬЕЗНЫЙ ВОПРОС

Статья РОДИОНА АКУЛЬШИНА
Рисунки А. КАНЕВСКОГО

Для того, чтобы стать слесарем, надо окончить фабзавуч. Для того, чтобы стать инженером, надо окончить технический вуз. Но как сделаться писателем или поэтом? Многие деткоры думают, что это очень просто: взял бумагу, написал пару стихов—и стал поэтом. Ниже мы помещаем статью Р. Акульшина. Прочтите ее, и вы узнаете, очень ли просто стать писателем.

„Уважаемые пионеры, вопрос: „кем я хочу быть"—очень серьезный, поэтому к его разрешению надо подходить обдуманно, а не с бухты-барахты".

Так начинает свое письмо деткор Василий Демидов. По началу письма предполагаешь, что Демидов—осмотрительный и осторожный парень. Следующие строки разубеждают в этом.

„Талант у меня: это сочинять стихи, рассказы и т. п Ну, в общем, талант у меня—быть поэтом. Готовых у меня уже семь стихов".

Подумайте только: написал человек семь стихов и уже уверен, что он талантлив.

„Я обращаюсь с просьбой,—пишет дальше Демидов,—ко всем пионерам ввиду моего таланта сказать мне: правильно ли я выбрал себе такую профессию, или нет?"

Думаю, что пионеры ответят Демидову его же словами:

„Нельзя с бухты-барахты разрешать вопроса о талантливости".

Демидов самоуверен. В этом его ошибка.

К счастью, не все деткоры страдают самоуверенностью.

Вот письмо из Павловки Самарского округа. Пишет его ученик 7-й группы школы крестьянской молодежи Александр Кислинский.

„В прошлом году я написал несколько рассказов и послал их в „Пионерскую Правду". Рассказы не были напечатаны. В этом году я перечитал их, и мне стало стыдно. Я удивился тому, как я мог послать их в газету. Я увидел всю их слабость и теперь понимаю, что с печатаньем не надо торопиться. „Поспешишь, людей насмешишь"—это очень верная поговорка. Ее нужно всегда помнить тем, кто хочет быть писателем. Писатель, по-моему,—учитель жизни. Разве может быть учителем малограмотный человек? Я еще очень мало знаю для того, чтобы быть писателем. Теперь я решил так: если начну немного печататься через пять лет, то это будет очень хорошо. А, может быть, и через десять лет я не начну печататься. Жить на литературный заработок в будущем не собираюсь. Каждый писатель, кроме уменья писать стихи и рассказы, должен быть специалистом в другой области, например, электромонтером. Это ремесло будет его кормить. А когда человек думает: „вот сейчас я сочиню стихотворение, понесу его в редакцию и получу деньги, то он никогда не сочинит хорошо. Если будешь думать о деньгах, сочинение выйдет плохое.

У меня две записных тетрадки. В одну я записываю то, что слышу: интересные слова и крестьянские выражения, в другую то, что придумываю сам. Из писателей мне больше всех нравится Чехов. Рассказы у него короткие, но меткие. Чехов будет моим учителем в литературе. Как вы смотрите на это?"

В письме Кислинского три здоровых мысли: 1) о вреде торопливости, 2) о гонораре, 3) о записных книжках.

Торопливость вредна. В этом Кислинский убедился собственным опытом. Ему стало стыдно за прошлогодние рассказы. Это хороший признак. Если стало стыдно, значит Кислинский растет. Стыд за прошлое—удел не одного Кислинского. Многим уже известным писателям, которые выпустили в свет помногу книжек, бывает мучительно стыдно за свои прежние произведения.

„Зачем я поторопился? Теперь бы я написал об этом по-другому",—часто говорят писатели.

Иногда распроданная книга выпускается повторными изданиями, и всегда последующее издание чем-нибудь отличается от предыдущего. Почему? Потому, что автор всегда исправляет свое произведение.

Сделанный стол, сплетенную корзину, сотканный ковер можно выпускать на рынок немедленно после того, как они закончены.

Литературное произведение должно отлежаться в письменном столе писателя. Эту истину нужно запомнить всем молодым авторам. Могут спросить о сроке отлеживания. Точных сроков в таких случаях устанавливать нельзя. Одно можно сказать: что ни дольше срок, то лучше для произведения.

Писателям стало мучительно стыдно за выпущенные раньше произведения.

Те письма, которые приводятся в этом очерке, присланы в редакцию „Пионер“ весною. Вероятно, многие авторы устыдятся своих весенних настроений, когда мечталось о Пушкинской славе и больших гонорарах.

Кислинский не собирается жить на гонорары за свои произведения. Но у многих это—заветная мечта.

„Писателем я хочу сделаться потому, что они получают большие средства“, пишет Вячеслав Волженин.

„Когда я буду поэтом, то поеду в Москву, куплю себе дом с уютным садом, где будет стоять столик и скамеечка. Там я буду в летнюю пору сочинять любовные романсы, а также стихи о героических подвигах наших революционеров—Буденного, Ворошилова, Чапаева и др.“. Так мечтает Цвелодуб. А вот планы Наумова Бориса: „Когда я добьюсь исполнения своей мечты, то свое хозяйство налажу, примерно, так: у меня будет дом в два окошка, с небольшим садом. В доме будет у меня библиотека, и книги своего сочинения“.

Откуда у деткоров сведения, будто писатели зарабатывают большие деньги и строят собственные дачи? Пусть знают молодые авторы, что только самая незначительная часть писателей не терпит никакой нужды. Большинство писателей всегда нуждается в средствах. И тот, кто мечтает в будущем жить со всеми удобствами, пусть забудет о писательстве.

Третья мысль письма Кислинского—о записных книжках, в которые он записывает „интересные слова“. Это очень полезная работа. Это—подготовка к писательству. Без записных книжек не обходится ни один писатель. Записные книжки были у Гоголя, Л. Толстого, Чехова. Что можно заносить в записную книжку? Отдельные меткие слова, интересные фамилии, пословицы, частушки, нечаянно подслушанные разговоры. Чтобы знать, как говорит крестьянин, как говорят рабочие, нужно быть зорким наблюдателем и внимательным слушателем. Изображая в рассказе крестьянскую речь, нужно все время спрашивать себя: „Могут ли так говорить крестьяне?“ Когда у писателя имеется большой запас настоящих народных выражений, он часто целиком вставляет их в свои рассказы.

Некоторые хотят избрать для себя литературную дорогу для того, чтобы помогать бедным.

„Я вовсе не мечтаю получать большие деньги, нет, а мне хочется при помощи литературы, которую я буду издавать, помогать бедному люду и трудящимся“,—дает обещание Демидов.

„Часть заработанных денег я употреблю на улучшение жизни беспризорных и на культурные цели“,—пишет Наумов.

„Я буду помогать бедным ребятам и беспризорным, которые хотят стать людьми, но у них нет для этого средств“,—говорит Волженин.

Если у одних на первом плане добрые чувства, и желание помочь беспризорным заставляет их думать о литературном заработке, то другие мечтают о писательской карьере лишь для удовлетворения своего честолюбия. Вот желание Миши Белова:

„Я хочу в одно и то же время быть литератором и артистом, потому что литератор и артист—люди свободные и вольные, куда хотят, туда и поедут. Литератором хочу быть по следующим причинам: 1) есть некоторые способности к этому, 2) очень интересует писательская работа, 3) хочется пользоваться известностью, 4) мечтаю участвовать в диспутах, которые мне очень нравятся.

Артистом хочу быть потому, что: 1) артисты пользуются известностью, 2) люблю играть роли молодого человека, который производит сильное впечатление на публику“.

„Известность“ во что бы то ни стало—вот что подогревает мечты Белова. Правда, у него есть еще одно обоснование своего стремления:

„Артистическая работа приучает к коллективизму, а коллективизм—это первые шаги к социалистическому строительству“. Но читатели поймут, что эта приписка Белова сделана для красного словца, что Белов ночью и днем думает только об известности. Плохо это или хорошо? Это может принести такой же вред, как излишняя самонадеянность. Кислинский и думает, прежде всего, о работе, об ученьи. Белов, ничего не говоря о том, как достигнуть известности, говорит: „хочу быть известным, больше ни о чем не хочу знать“. Известность с неба не сваливается. Известность завоевывается упорным трудом, стойкостью, терпением, всевозможными лишениями. Достигнуть известности не так просто, как сорвать цветок. Что может получиться с такими, как Белов? Расскажут они всем о своих способностях, уверят всех, что скоро будут известными, а работать и учиться при этом не будут. И слова их, конечно, останутся только словами. А что в результате?—Тоска, разочарование. Нужно быть всегда готовым к трудностям, которые могут встретиться на жизненной дороге и тогда не страшна будет борьба за достижение намеченной цели.

Вот отрывок из письма Изы Горелик:

„Как страстно мне хочется быть поэтессой и, пока еще во мне теплится искорка энергии, я разобью все преграды, которые встречу на трудном литературном пути“.

Иза Горелик знает, что на литературном пути она встретит много трудностей. Она готова к борьбе. И это очень похвально.

Многие спрашивают, можно ли присылать в редакцию свои рассказы и стихи. Присылать, конечно, можно, но редакция „Пионера“ не может давать обязательств, что весь присланный материал будет использован.

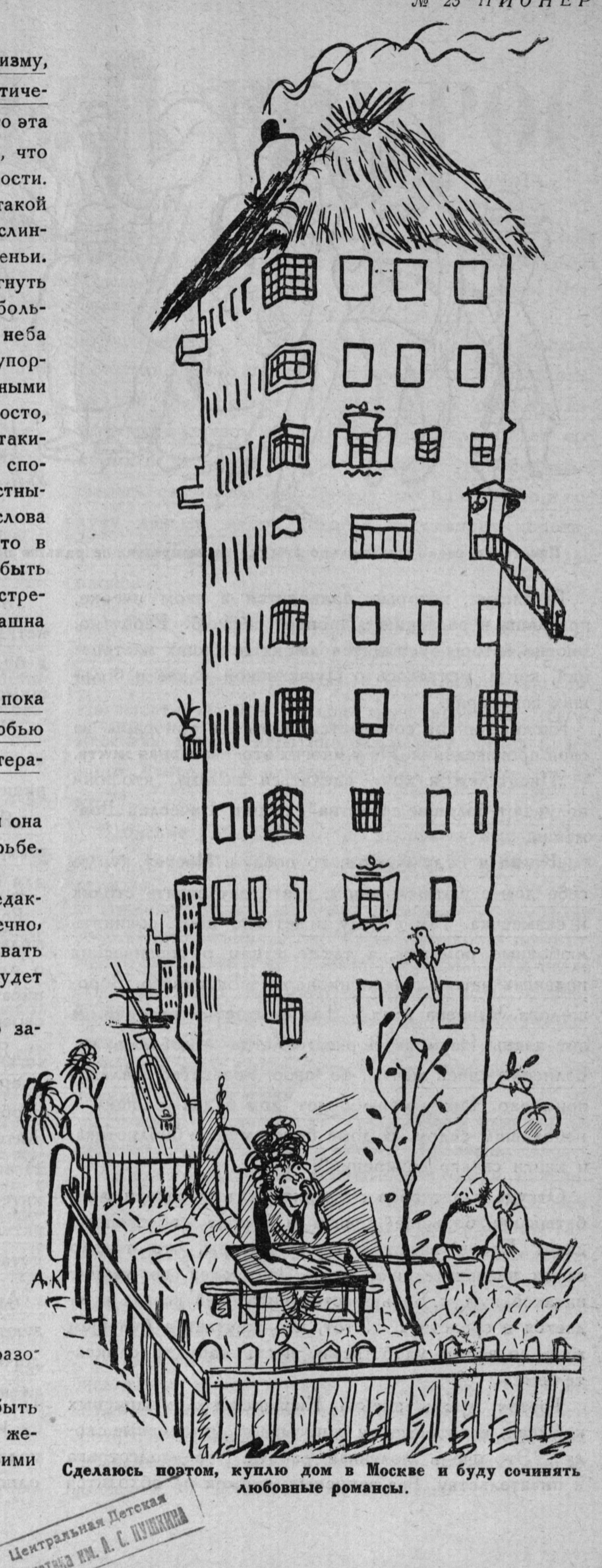
Есть такие молодые авторы, которые грозно заявляют: „Если вы не напечатаете моего рассказа, я бросаю писательство к чорту и никогда больше не напишу ни одной строчки“.

Читатели поймут, что такое самолюбие не имеет ничего общего с серьезным желанием работать в области слова.

Десять и пятнадцать лет ждут иногда писатели исполнения своего желания. Неудачные произведения заставляют их работать еще с большим напряжением, неудачи отталкивают их от намеченной цели.

Не будет писателем тот человек, который разочаровывается после первого неуспеха.

Редакция предлагает всем, кто собирается быть писателем, еще раз серьезно подумать о своем желании и поделиться с редакцией „Пионера“ своими соображениями.

Сделаюсь поэтом, куплю дом в Москве и буду сочинять любовные романсы.

МАШИНА ДЛЯ ЕЗДЫ НАКОНЕЦ ИЗОБРЕТЕНА

Очерк ИВИЧА

Сотни лет Монголия была китайской колонией.

Культура Европы просачивалась туда по капельке; сравнительно с монгольскими—наши некультурные сибирские деревни казались цветниками культуры.

Монголия—страна большая, горная, жители ее очень бедны.

Урга—столица Монголии. Это большая деревня и деревня довольно грязная.

Сейчас в эту деревню каждую неделю летают аэропланы из СССР. Железной дороги там нет.

Когда Монголия освободилась от власти Китая и стала Народной Республикой, она пробудилась от долгой медвежьей спячки, открыла глаза и твердо стала на ноги.

Монголы еще очень отстали, но они начинают понемногу узнавать, что такое машина и как надо засевать поля, чтобы получить хороший урожай.

Они даже видели трактор.

А автомобили бегают по Урге с таким видом, как-будто они тут целую вечность; монголы их не очень боятся. Они даже почти уверены, что их двигает не чорт, а машина. Года через два они это будут знать наверное.

Лет шесть тому назад в Урге появился очень смешной дядя. Он приехал из какой-то далекой монгольской деревни; такой большой город он видел в первый раз.

Приехал он не на лошади и даже не на верблюде.

Он приехал на машине, которую сам построил.

Он приехал осчастливить мир: научить его строить машины для езды.

Ездить на машине—это гораздо быстрее, чем ходить пешком и даже быстрее, чем ездить на верблюде. Кроме того, машину не надо кормить. Построить же ее очень просто. Сделайте только два деревянных колеса, а потом он научит вас, как соединить их деревянной рамой, сделать передачу и обстругать две палочки, которые надо вертеть ногами. Сидеть при этом надо на доске, которая прикрепляется над задним колесом. Машина, конечно, довольно неуклюжа. Но он на ней приехал за сотни километров. Она очень крепкая.

Когда монгол появился в Урге на этой машине, все, действительно, очень удивились. Они удивлялись, откуда взялась такая неуклюжая, грубая, нелепая деревянная машина. Монгол же думал, что они удивлялись потому, что никогда не видели человека на машине. Ведь первый человек на машине, которого он видел, — это был он сам.

Он проехал по улицам Урги до большой площади.

Там его обогнал автомобиль.

А недалеко, на аэродроме, снижался самолет. Самый обыкновенный пассажирский самолет.

Говорят, монгол упал в обморок.

А когда он очнулся и ему рассказали, что такое автомобиль и самолет, когда он узнал, что велосипед уже давно выдуман, он очень огорчился.

Товарищ монгол! Не стоит огорчаться. Ведь, если ты понял, сидя в глухой деревне, что твоей стране нужны машины для езды, если ты так хорошо это понял, что сумел выдумать велосипед, значит, твоя страна, действительно, проснулась, значит она не так уж отстала от нас—не на пятьсот, не на триста, а всего лет на пятьдесят—ведь, только пятьдесят лет тому назад выдумали велосипед. Эти пятьдесят лет культуры можно быстро нагнать.

Я не знаю твоего имени, и я не знаю твоей судьбы. Но я надеюсь, что тебя отправили в школу, что ты уже знаешь все, что изобрели за те пятьдесят лет, на которые ты отстал от Европы.

И я надеюсь, что ты сумеешь выдумать такую машину, которой не выдумали еще ни у нас, ни в Америке.

Суд над журналом „Пионер“

В РЕДАКЦИЮ ПОСТУПАЮТ РЕШЕНИЯ СУДОВ НАД ЖУРНАЛОМ, В ПОДАВЛЯЮЩЕМ БОЛЬШИНСТВЕ ПРИГОВОРЫ ГОВОРЯТ О ТОМ, ЧТО ОБВИНЕНИЯ „ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЫ“ НИ НА ЧЕМ НЕ ОСНОВАНЫ.

ОДИН ТАКОЙ ПРИГОВОР МЫ ПОМЕЩАЕМ.

НАШ ПРИГОВОР

Мы, пионеры 142-го и 63-64 отрядов Замоскворецкого района, обсудив на общественно-показательном суде журнал „Пионер“ и обвинительный акт „Пионерской Правды“, выносим следующее решение:

1. Обвинения «Пионерской Правды» совершенно ни на чем не основаны.
2. Мы считаем, что кампания, которую подняла «Пионерская Правда», ведется ею неправильно.
3. Журнал «Пионер» ведет правильную линию, освещает все современные события, в том числе и пятилетку, очень хорошо.
4. Журнал «Пионер» очень занимательно подает материал.
5. Журнал «Пионер» содействует воспитанию качеств нового человека.

ПО ПОРУЧЕНИЮ СУДА: М. ДЖАГАФАРОВ.

СУД МОСКОВСКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ, СОСТОЯВШИЙСЯ В КРАСНОМ ЗАЛЕ МК ВКП 17 НОЯБРЯ, ПРИЗНАЛ ЛИНИЮ ЖУРНАЛА „ПИОНЕР“ ПРАВИЛЬНОЙ

РЕБЯТА! ПРОВОДИТЕ У СЕБЯ В ОТРЯДАХ И ШКОЛАХ СУДЫ И ПРИСЫЛАЙТЕ ПРИГОВОРЫ.

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая пл., 6, изд-во «Молодая Гвардия», редакция журн. «Пионер».

Москва. Главлит А 52990. Изд. № 3867. «Мосполиграф», 16-я тип., Трехпрудный пер., 9. 31000 экз.

20 коп.

МАЛО ТОГО

ЧТО ЖУРНАЛ «ПИОНЕР» В 1930 ГОДУ БУДЕТ ВДВОЕ ДЕШЕВЛЕ

МАЛО ТОГО

ЧТО ОН БУДЕТ ВЫХОДИТЬ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

МАЛО ТОГО

ЧТО ПРИЛОЖЕНИЕМ К НЕМУ ИДУТ 12 СБОРНИКОВ «ВТОРАЯ СТУПЕНЬ»

МАЛО ТОГО

ЧТО РЕДАКТИРУЕТ ЭТИ СБОРНИКИ А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ, А СОТРУДНИЧАЮТ В НИХ СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ, УЧЕНЫЕ И ЖУРНАЛИСТЫ

МАЛО ТОГО

ЧТО ОН БУДЕТ ПЕЧАТАТЬСЯ В ДВЕ КРАСКИ, НО ОН БУДЕТ ЕЩЕ И ГОРАЗДО ИНТЕРЕСНЕЕ ЧЕМ РАНЬШЕ

?

РЕБЯТА! —

Е
Б
Я
Т
А
!!

— ЭТОГО ДОСТАТОЧНО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ КАЖДЫЙ ИЗ ВАС СИЮ ЖЕ МИНУТУ, ПОКА НЕ ПОЗДНО, ПОДПИСАЛСЯ НА ЖУРНАЛ „ПИОНЕР“ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ!!

НЕТ ПИОНЕРА И ШКОЛЬНИКА БЕЗ ЖУРНАЛА „ПИОНЕР“

НЕТ ВТОРОСТУПЕНЦА БЕЗ СБОРНИКОВ „ВТОРАЯ СТУПЕНЬ“

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА «ПИОНЕР» С ПРИЛОЖЕНИЕМ СБОРНИКА «ВТОРАЯ СТУПЕНЬ: На год—8 р. 25 к., на 6 мес.—4 р. 35 к., на 3 мес.—2 р. 30 к.